

взаимных переходов, обусловленных заданием акта коммуникации. Соотносительность этих форм предикирования создает возможность выбора — они варьируются, заменяют друг друга, используются в одном ряду, вовлекают в синонимический ряд модели других семантических типов предикатов, что дает возможность дифференцированно передавать тонкие смысловые нюансы.

Список литературы: 1. Адмони В. Г. Статус обобщенного грамматического значения в системе языка. — ВЯ, 1975, № 1, с. 38—54. 2. Раевская М. Н. К вопросу о реляционной значимости моделей предложения. — В кн. Исследования по романской и германской филологии. Киев, 1975, с. 113—117. 3. Распопов И. П., Сычева С. М. Синтаксическая деривация и синтаксическая синонимия. — ФН, 1974, с. 66—72. 4. Brain J. Life at the top. — Ldn : Penguin Books, 1965. — 265 p. 5. Galsworthy J. The Forsyte saga : The map of property. — M. : Progress Publishers, 1975. — 383 p. 6. Joyce J. Dubliners. — Ldn, 1977. — 207 p. 7. Maugham S. Cakes and ale or the skeleton in the cupboard. — M. : Progress Publishers., 1977. — 406 p. 8. Maugham S. Rain and other short stories. — M. : Progress Publishers, 1977. — 406 p. 9. Maugham S. Theaete. — M.: 1979. — 288 p. 10. Priestly J. B. Angel pavement. — M. : Progress Publishers, 1977. — 503 p. 11. Warren R. P. All the king's men. — Ldn : New English Library, 1974. — 479 p.

Поступила в редколлегию 10.11.80.

Т. Г. ПОПОВА

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В КОНТЕКСТЕ СКАЗУЕМОГО С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫМ ПРЕДИКАТИВОМ

В настоящее время особое значение приобретает проблема изучения эмоций, их выражения и распознавания в процессе общения в речи [5]. В той или иной степени речь всегда эмоциональна, так как говорящий не только указывает на какое-то действие, но и выражает свое, субъективное отношение к нему, тем самым утверждая себя в предметном мире [1]. По мнению Р. А. Будагова, в языке эмоциональное (субъективное) оказывается в зависимом положении от предметно-логического (объективного) [4]. Как отмечает Г. В. Колшанский, распространенное в лингвистической литературе отграничение коммуникативной функции языка от «экспрессивной» или «эстетической» является по существу искусственным расчленением единой по природе сферы информации [8]. Попытка строго отделить эмоциональное от интеллектуального так же неправомерна, как разделение субъективного и объективного, эмоционального и рационального. Однако в целях достижения достоверных результатов мы условно отграничиваем эмоциональное от рационального, не забывая об их взаимосвязи.

Рассматривая проблему выражения эмоциональности на синтаксическом уровне, следует упомянуть о том, что в советском и зарубежном языкознании эмоциональное значение рассматривается как разновидность лексического. Но эмоции могут реализоваться также и предложением, что дает основание разделить указанные значения.

На широком использовании различных синтаксических структур в качестве выразительных средств языка настаивал Ш. Балли, который связывал решение данного вопроса с существованием качественно-количественных параметров в системе эмоционально-оценочных категорий («количества», «качества», «интенсивности», «оценочности», «модальности»), во внутренней структуре которых наличествуют разноуровневые, в том числе синтаксические, эмоциональные средства, объединенные единым синтаксическим инвариантом — эмоционально-оценочной семьей [3]. В этой связи следует отметить, что выражение эмоций на синтаксическом уровне смыкается не только с решением таких частных лингвистических проблем, как место и роль порядка слов [4], ритмическая организация эмоционально насыщенного высказывания, размер эмоционально-оценочного предложения, лексическая наполняемость, но и с тем, что решение этой проблемы представляет определенный интерес для многих индоевропейских языков [2]. Появившийся в современной лингвистике интерес к изучению эмоционально-оценочного аспекта языка вызвал противоречивые суждения о соотношении структуры предложения и структуры обозначаемого им отрезка действительности [7; 11]. Эти противоречия объясняются, по-видимому, неоднородным характером синтаксических структур, которые позволили Н. Хомскому выделить «глубинные и поверхностные» структуры, выражающие соответственно план выражения и план содержания [6]. Особый интерес представляет работа Ч. Фриза, в которой автор сформулировал важнейшие положения теории формирования и дальнейшего развития эмоциональных конструкций [21]. Л. Теньер подчеркивает, что в языке существуют такие синтаксические конструкции, которые создаются эмфатической интонацией [37], находящей свое отражение в особом порядке слов или же в определенной контексто-синтаксической схеме. Специфика эмоциональных конструкций заключается, на наш взгляд, в более тесной взаимосвязи и зависимости от широкого контекста.

Исследуемый материал подтверждает мысль о том, что эмоции слабой степени интенсивности (настроения, интеллектуальные эмоции, такие как удивление, изумление, надежда и т. п.) обычно незначительно затрагивают структуру плана выражения, в то время как бурные, импульсивные эмоции достаточно наглядно разрушают формальную организацию языковой модели, порождая таким образом целую систему собственно-речевых моделей. Например: *Eh bien! C'est une belle idée! Une idée qui sera appréciée! Une idée de bienfaiteur!* [33, p. 65]. *Le peintre.— En effet! Oh! Je suis vraiment désolé...désolé...absolument désolé!* [24, p. 255]. Сегментирование логической модели на минимальные семантические части, равные предложению с законченным эмоционально-оценочным суждением, позволяет предполагать о существовании и функционировании эмоциональных конструкций. В связи с этим нам представляется правомерным говорить о приведенных выше конструкциях как о речевых, а не языковых средствах. *Lui.— Elle est tel-*

lement charmante ... délicieuse! Quelle femme charmante! [23, p. 39]. Как свидетельствует исследуемый материал, структурным компонентом таких конструкций является эмоционально-оценочный предикатив. Компонентом, объединяющим признак, качество с субъектом, служит связочный глагол (*être, sembler, paraître*), который определяет темпоральный план эмоциональной оценки и тем самым конкретизирует оцениваемый признак, качество. Прилагательные, выступающие в роли предикатива, неоднородны по своему содержанию и месту в общей системе средств выражения интенсивности эмоциональной оценки. Так, выделяется группа предикативных прилагательных, которые полностью теряют свое лексическое значение, и, десемантизируясь, служат исключительно для выражения различных степеней интенсивности эмоций [9]. Juliette. — *Taisez-vous, Procureur, vous êtes un homme affreux!* [13, p. 25]. Результаты анализа показали, что в данной функции участвуют 40% предикативов. Нами выделена также группа прилагательных (37%), которые выражают обобщенное значение предела интенсивности и определенное лексическое значение. *Oncle-docteur. — Ce n'est pas une nouvelle ennuyeuse, pas du tout! rassure-toi! ma petite Joséphine. C'est une nouvelle réjouissante!* [24, p. 129]. И, наконец, третья группа — прилагательные, полностью сохранившие свое качественное значение и выражающие кроме предела интенсивности эмоционально-оценочные значения. Данная группа предикативных прилагательных — самая многочисленная (56%). Bertolier. — *... Dans l'exercice de mes fonctions, j'ai eu l'occasion de lui rendre des services inavouables!* [16, p. 15]. Лексическое разнообразие предикативных прилагательных, объединенных эмоционально-оценочной семой, располагаются по двум оппозиционным группам: с положительным и отрицательным знаками. Эмоционально-оценочные структуры, соотносящиеся как с положительным, так и с отрицательным эмоциональным знаком и имеющие в качестве предикативных интенсификаторов *excessif, inoui, formidable, syblime*, подчеркивают эмоциональное отношение говорящего к оцениваемому объекту с точки зрения количественных изменений. Moreau. — *Il m'est arrivé d'être un peu excessif.* Duxin: *Du moment que vous le dites... Moreau. — Excessif... et presque injuste* [12, p. 101]. Juliette. — *On lui pardonne.* Renée. — *Pour cette fois, on lui pardonne parce que c'est un homme inoui, formidable, génial!* [13, p. 14]. Эмоционально-оценочные предложения, структурным компонентом которого является интенсификатор *parfait*, квалифицируют эмоциональное отношение говорящего со стороны его высокой (совершенной) качественной характеристики. Спецификатор *parfait* подчеркивает не количественное накопление признака, а качественное. Antoine. — *Ah! Par contre, ceci est parfait! mes compliments! excellent!..* [39, p. 27]. Конструкции с предикативом *parfait* употребляются для выражения и отрицательных, и положительных эмоций высокой степени интенсивности. Предикативы *parfait, excessif* не

взаимозаменяемы. Дифференциальным признаком эмоционального сказуемого с *excessif* является способность передавать эмоциональную оценку с выражением полного накопления количества. Структуры подобного типа характеризуются высшей степенью проявления эмоциональной оценки. Другое эмоциональное значение передается с помощью интенсификатора *extraordinaire*. Его общее значение основано на семах *norme de qualité + parfait* (*excessif*), т. е. он имеет семы предельного накопления качества (или совершенной степени) и чрезмерной степени качества. Норма, включающая совершенную степень качества и значение чрезмерного качества, приводит к новой, необычной степени качества. Интенсификатор анализируемого типа обычно передает эмоциональное отношение высшей степени интенсивности, о чем свидетельствует наличие в нем семы *excessif*. Интенсификатор способствует, таким образом, формированию эмоционально-оценочного предложения. Доказательством тому служат приведенные ниже варианты. В них актуализируется семный состав предикатива *extraordinaire* прилагательными недифференцированной оценки *sublime*, *superbe*, *magnifique*, *splendide*, *inouï* etc., семная структура которых выражает высшую качественную характеристику субъекта эмоциональной оценки. Ondine.— *Quel a été votre premier vers? Le poète.— Il a été le plus magnifique!* Ondine.— *Le plus magnifique de vos vers?* [22, p. 97]. Sonia.— *Et du côté de Ginette, pas d'histoires!* Alexandre.— *Tu es sublime, je t'adore!* [32, p. 10]. Предикатив *extraordinaire* служит трансмиссором объективной оценки в эмоционально-оценочную. Синтаксическая форма сказуемого с этим предикативом функционирует также в пределах ядра категории количества и качества, поскольку сочетается с большим количеством абстрактных существительных и сохраняет грамматическое значение высокой степени качества. Эмоциональная оценка определяет семантическое и структурное многообразие соответствующих интенсификаторов. Взаимодействие эмоциональной оценки и интенсивности ее проявления приводит к тому, что в ядерной позиции выступает либо эмоциональная оценка, либо степень эмоциональной интенсивности. Philippe.— *Au fond, nous sommes vraiment des animaux extraordinaires!* [30, p. 34].

Так, некоторые прилагательные, независимо от их сочетаемости, передают эмоционально-оценочное отношение недифференцированно, т. е., указывают на общий характер интенсивности высказывания, а вид эмоционального переживания определяется значением существительного с положительным или отрицательным эмоциональным знаками, указывающими объект эмоциональной оценки. Berthe.— *J'ai pensé en effet que cela serait agréable. C'était la plus jolie de toutes, ... N'est-ce pas qu'elle est d'une beauté parfaite?* [43, 19]. Clémentine.— *Oh?! Toutou! Tu es merveilleux! Je veux travailler, être chez toi...chez moi, je veux dire!* [40, p. 261]. Особый интерес представляют предикативы с префиксом *in*, *dés*, *dis*, объективно имеющие в своей семантике признаки отрицатель-

ного эмоционального отношения. Значение такого предикативного прилагательного основано на возможности отрицания действия глагола, к которому оно восходит, и невозможности выражения высокой степени количественного накопления эмоциональной интенсивности. Lésignan.— ... Tant pis pour lui!... Dire que je n'osais même pas lever les yeux sur vous...et voilà ma récompense! Ce qu'il vient de me faire là est inqualifiable! [23, p. 274]. Иначе говоря, у прилагательных-интенсификаторов позитивный или негативный характер эмоциональной оценки отходит на периферийную позицию, оставляя за интенсивностью оценки ядерное положение.

Появление в речи эмоционально-оценочных предикативов с коррелятами *ce, cela*, свидетельствует о полной десемантизации предикативов с префиксами *in, dés*, которые в данном случае обозначают степень эмоциональной интенсивности недифференцированно и могут взаимозаменяться. Nina.— Mais je comprends! Je comprends toujours tout! C'est même incroyable que je comprends des choses que les autres ne comprennent pas que je les comprends! [31, p. 375]. По своей эмоционально-оценочной недифференцированности анализируемые конструкции приближаются к формам со значением высшей (предельной) и необычной меры качества. Однако, как свидетельствует исследуемый материал, не все прилагательные с отрицательными префиксами выражают эмоциональное отношение недифференцированно. Bérager.— C'est Dousy... excusez-moi! Je ne veux pas qu'elle me voie...dans l'état où je suis. Jean.— Vous êtes impardonnable! absolument impardonnable!.. [26]. Le docteur.— Tu es un emmerdeur, César, pas autre chose. Tu es très bon dans le fond, très sensible, mais d'une fréquentation intolérable! [22, p. 223]. В этих прилагательных сема «неодобрения» сохраняется и зависит непосредственно от семантики, поскольку сам префикс не теряет грамматического значения. Употребленные в переносном значении, интенсификаторы исследуемого типа соотносятся с субъектом, подчеркивая его духовные качества. В таком случае приобретенное значение, выражающее отрицательное качество, определяет в какой-то степени избирательность оцениваемого объекта, отображающего отрицательное эмоциональное отношение субъекта к предмету оценки. Особенность этих конструкций заключается в том, что они допускают лексические значения, обеспечивающие сочетаемость с прилагательными, имеющими отрицательное или положительное эмоциональное значение. Эмоциональная оценка в данных структурах является базовой, более дифференцированной, с присутствующей степенью эмоциональной интенсивности. Оценочные прилагательные с префиксами *in-, des-*, сочетаемость которых более или менее ограничена, расширяют свое функционирование за счет прилагательных с маркированным эмоциональным значением с той же семой отрицательности, но с более широким понятием отрицательных эмоций (*charmant, fou, terrible, ravissant, affreux*). Francis.— C'est horrible de vivre dans le noir comme ça! [39, p. 12]. Antoine.— C'est répugnant! de mon temps,

on offrait du porto! [39, p. 24]. Прилагательные-интенсификаторы, содержащие информацию о чувствах человека и, естественно, соответствующую эмоциональную оценку, наиболее многочисленны. Но они выделяют одно, самое важное для ситуации и общего восприятия, качество состояние. Этот оценивающий признак соответствует производимому на субъект эмоциональному впечатлению. Например, презрение, гадливость, омерзение могут интенсифицироваться предикативами *ignoble, immonde, horrible, épouvantable*. Maillard.— C'est une horrible méprise! Je vous jure que je suis le procureur Maillard! Sur la tête de mes enfants! [13, p. 114]. Bertier.— Vous êtes fou! Je n'aurais plus qu'à démissionner!.. ce serait un scandale épouvantable! [16, p. 62]. Поскольку каждый интенсификатор передает индивидуальное эмоциональное отношение, одно и то же качество может восприниматься весьма различно, что и объясняет лексическое разнообразие прилагательных, входящих в анализируемую структуру.

Эмоционально-оценочные предикативы могут варьировать сему интенсивности эмоционального воздействия. Так, высшая, предельная степень интенсивности может передаваться усилительными формантами: *parfaitement, épouvantablement, extraordinairement, diablement, joliment, follement* etc. Они увеличивают значение интенсивности и эмоциональной оценки комплексом сем, входящих в структуру каждого интенсификатора и определяемого слова. Однако, как показали результаты анализа, усилители названного типа весьма немногочисленны (20%). Philippe.— Décidément, je trouve cela extraordinairement bon! C'est du lait! C'est exquis! [30, p. 32]. M-me Smith.— Ma pauvre Mary, vous êtes épouvantablement têtue! [25, p. 49]. Estelle.— Vous êtes ignoble. Inès.— Oui, je suis parfaitement ignoble! Alors? [35, p. 59].

В группе предикативов-прилагательных, выражающих сильные эмоции, обычно употребляются прилагательные с высокой степенью интенсивности (*remarquable, sublime, superbe* etc). Lui.— Il n'est pas beau, mon terrain? Elle.— Il est superbe! [23, p. 152]. Henri.— Tu es sublime! Il n'y a pas d'autre mot! Philippe.— Je suis peut-être sublime, mais je n'ai jamais été cocu, comme je dis grossièrement [14, p. 131]. Поэтому они не употребляются в одном ряду с усилительными формантами *très, trop, presque*, указывающими на степень интенсивности, а непосредственно квалифицируют последнюю. Таким образом, четко выделяются две группы эмоционально-оценочных предикативов в структуре именного сказуемого: а) с положительной или отрицательной дифференцированной эмоциональной оценкой; б) с недифференцированной эмоциональной оценкой. В этих группах существует взаимодействие в плане перехода одного эмоционально-оценочного значения в другое, в связи с чем допустимы некоторые отклонения от общей закономерности комбинаторики. Lucienne.— Vous êtes d'une tendresse effrayante et d'une beauté dangereuse!.. [22, p. 78].

Синтаксические структуры, компонентом которых является эмо-

ционально-оценочный предикатив «сравнительной» характеристики, передают психические состояния средней степени интенсивности, поскольку в шкале градаций качество не находится за пределами эмоциональной оценки. В данном случае степень интенсивности эмоций определяется имплицитным сравнением, составляющим семантическую основу интенсификатора, для которого это качество является наиболее характерным, основным. *La maîtresse de 'a maison.*— Ça, le fait est ... pauvre petite, elle est d'une maigreur ... maladive! *La femme.*— Oui ... maladive! Je la crois tuberculeuse, d'ailleurs [25, p. 76]. Тот факт, что предикативы сравнительной степени эмоциональной интенсивности исключают предельность в оценке, подтверждается возможностью рассматривать данные предикативы-интенсификаторы в качестве меры эмоциональной оценки, где степени сравнения указывают на отсутствие крайнего положения на шкале градаций психических состояний. *Elle est d'une nervosité, d'une impatience presque ... maladive, surtout depuis quelque temps. Elle ne me passe presque rien...* [12, p. 103]. Общая эмоциональная оценка релевантна во взаимодействии с существительным. *Caligula.*— Mais c'est de la modestie, cela, de la vraie modestie! [19, p. 99]. *Pauline.*— Lorsque j'étais petite, il me fabriquait des poupées en bois. Elles étaient belles, mais d'une beauté triste aussi. Ja n'ai pas su les garder. La plupart ont fini dans le feu [29, p. 165]. Спецификаторы *vrai*, *triste*, характеризуют качество *modestie*, *beauté*, повышая общую выразительность высказывания, в то время как эмоциональное состояние субъекта определяется комплексом положительных или отрицательных сем интенсификатора и предмета оценки. Однако в речи функционируют эмоциональные структуры, семантические элементы которых характеризуют субъект одновременно, с добавлением отдельных нюансов к оценке субъекта. В таких случаях наблюдается наличие интегрирующей семы как у прилагательного, так и у существительного [4]. *Duxin.*— Il faut croire que si, mais ce n'est pas moi qui l'ai cherchée. Les réparations sont nécessaires, elles sont urgentes, les réparations [12, p. 29]. *Jean.*— ... Votre chemise est d'une saleté repoussante... [28, p. 12]. В процессе актуализации упомянутой семы дифференцирующая сема отодвигается на периферию, а интегрирующие семы оказываются в ядерной позиции. Однако совместное функционирование тех и других сем дает оценку субъекту речи. Общая значимость таких структур повышается за счет функционирования интегрирующих сем спецификатора и предмета оценки. Интенсификатор-предикатив придает высказыванию более высокую степень интенсивности [16]. Эмоциональная оценка субъекта может основываться на контрастных, оппозиционных семных отношениях субъекта оценки, когда наблюдается перемещение семантики предмета оценки на семантику интенсификатора, не соотносимого с семантикой субъекта оценки. Вид эмоциональной оценки и степень интенсивности основывается на «экстракции» одного качества из другого. Эмоционально-оценочное значение возникает

вследствие несовместимости сем, порождающей переносное значение всей предикативной структуры, способной не только квалифицировать психическое состояние субъекта, но и тем самым опредмечивать эмоциональную оценку. Valentine.— ...Serge, oublie, retour-nons à l'hôtel Acropol, tu étais d'une tendresse si drôle et si méchan-te. Maître Fleurte.— J'en suis désolé et ravi à la fois [36, p. 67].

Во французской драматургической речи существует также целый ряд синтаксических структур, в которых отношение между структурными компонентами вписываются не в поле «качества» и «количества», а в поле «интенсивности», «эмоциональности», «экспрессивности». По своей эмоциональной насыщенности такие предикативы оказываются предельными, поскольку говорящий, давая оценочную характеристику субъекту, выражает различные нюансы эмоционального состояния. Que disait-elle? (Goetz) Hilda.— Tout ce qu'il fallait pour que je te prenne en horreur. Goetz.— Que j'étais brutal, grossier, repoussant? Hilda.— Que tu étais beau, intelligent, courageux, que tu étais insolent, cruel, qu'une femme ne pouvait te voir sans t'aimer [40, p. 162]. В таких предикативных конструкциях субъект, оценивая предмет, как бы смотрит на него с разных сторон, каждый раз как бы перемещая свою точку зрения, употребляя при этом слова с различной эмоционально-экспрессивной окраской. Такой тип структур с «векторными» эмоционально-оценочными предикативами имеет широкое распространение в драматургической речи в связи с большими возможностями дать оценочную характеристику более углубленно и широко [10]. Адъективные компоненты, или «векторы», подобных структур могут оказаться нерелевантными по отношению друг к другу в плане выражения положительной или отрицательной оценки субъекта. Однако функционирование в речи векторных предикативов способствует формированию эмоционально-экспрессивного образа субъекта оценки. Особенность «векторных» эмоциональных структур заключается в том, что палитра эмоциональных оттенков не ограничивается одной переживаемой эмоцией, а целой гаммой переживаний. Kalliaev.— Non. Je sais ce qu'il pense... "Trop extraordinaire pour être révolutionnaire". Je voudrais leur expliquer que je ne suis pas extraordinaire. Ils me trouvent un peu fou, trop spontané... Moi aussi je peux être adroit, taciturne, dissimulé, efficace... [20, p. 36]. Данная синтаксическая структура восходит, очевидно, к базовой структуре именного составного сказуемого с эмоционально-оценочным предикативом. Их существование в языке объясняется, очевидно, стремлением к формализации языковых средств, обладающих структурной и смысловой завершенностью, а также общим значением эмоциональной оценки.

Анализ условий функционирования синтаксических моделей с эмоционально-оценочным содержанием приводит к заключению о том, что план содержания имеет различную глубину, он как бы состоит из двух ярусов. На одном располагается содержание грамматических единиц, а на втором — содержание коммуникатив-

ного задания, определяющего ту или иную форму выражения. Расширение информации, в том числе и эмоционально-оценочной, приводит к изменению синтаксической модели, если она оказывается недостаточно емкой для передачи коммуникативного задания. Результаты анализа исследуемого материала подтверждают мысль о том, что наличие эмоциональной оценки, различия в степени интенсивности ее проявления определяются синтаксическими отношениями семантических компонентов, входящих в значение этих слов.

Список литературы: 1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844.— В кн.: Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1965, с. 517—642. 2. Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б. Современные синтаксические теории.— М.: Изд-во иностр. лит., 1961.— 393 с. 3. Балли Ш. Французская стилистика.— М.: Изд-во иностр. лит., 1961.— 393 с. 4. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили.— М.: Высш. школа, 1967.— 367 с. 5. Витт Н. В. Об эмоциях и их выражениях.— Вopr. психологии. М., 1963, № 3, с. 3—9. 6. Гак Г. В. К проблеме синтаксической семантики.— В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Просвещение, 1969, с. 5—11. 7. Илья Л. И. Методы членения синтаксического целого.— Учен. зап. МГПИИЯ, 1959, т. 19, с. 101—109. 8. Колшанский Г. В. Лингвистические основы анализа языкового стиля.— В кн.: Тез. докл. на науч. конф. по пробл. лингв. стилистики. М.: Просвещение, 1968, с. 27—31. 9. Намталишвили И. И. О некоторых эмоциональных конструкциях современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Тбилиси, 1971.— 25 с. 10. Степанов Ю. Д. Французская стилистика.— М.: Высш. школа, 1955.— 354 с. 11. Шугаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи.— Л.: Изд-во, ЛГУ им. А. А. Жданова, 1970.— 215 с. 12. *Aymé M. Lucienne et le boucher.*— Paris: Grasset, 1947.— 241 p. 13. *Aymé M. La tête des autres.*— Paris: Grasset, 1952.— 175 p. 14. *Achard M. Patate.*— Paris: Table ronde, 1957.— 254 p. 15. *Anouilh J. Alouette.*— Paris: Table ronde, 1953.— 188 p. 16. *Bally Ch. Le langage et la vie.*— Paris: 1926.— 316 p. 17. *Billetdoux Fr. Comment va le monde, Mōssieu?*: Anthologie du théâtre français, 1935—1965. L.: Prosveshcheniye, 1967.— 275 p. 18. *Bloch J.-R. Toulon:* Anthologie du théâtre français, 1935—1965.— Prosveshcheniye, 1967.— 275 p. 19. *Camus A. Les justes.*— Paris: Gallimard, 1950.— 152 p. 20. *Camus A. Caligula.*— Paris: Gallimard, 1958.— 249 p. 21. *Fries Ch. The structure of English.*— 1952.— 256 p. 22. *Giraudoux J. Ondine.*— Paris: Grasset, 1939.— 195 p. 23. *Guirly S. Je t'aime.*— Paris: Perrin, 1960.— 317 p. 24. *Jonesco E. Le tableau.*— Paris: Gallimard, 1963.— 304 p. 25. *Jonesco E. La cantatrice chauve.*— Paris: Gallimard, 1963.— 304 p. 26. *Jonesco E. Rhinocéros.*— Paris: Gallimard, 1963.— 304 p. 27. *Lotti A. La vie imaginaire de l'Eboueur Auguste Geai.*— Anthologie du théâtre français, 1935—1965.— L.: Prosveshcheniye, 1967.— 275 p. 28. *Pagnol M. César.*— Paris: Fasquelle, 1947.— 242 p. 29. *Pagnol M. Fanny.*— Paris: Presses Pocket, 1976.— 276 p. 30. *Roussin A. Nina.*— Paris: Rocher, 1960.— 383 p. 31. *Roussin A. La locomotive.*— Paris: Calmann-Lévy, 1967.— 383 p. 32. *Romain J. Knock.*— Paris: Gallimard, 1924.— 218 p. 33. *Pottier B. Linguistique générale.*— Paris: Payot, 1974.— 273 p. 34. *Sagan Fr. Robe fauve de Valentine.*— Paris: Gallimard, 1965.— 372 p. 35. *Sartre J.-P. Huis clos.*— Paris: Gallimard, 1947.— 245 p. 36. *Sartre J. P. Les mouches.*— Paris: Gallimard, 1951.— 252 p. 37. *Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale.*— Paris: Hachette, 1959.— 865 p.

Поступила в редколлегию 10.11.80.

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МНОГОФОКУСНОЙ ПОВТОРНОЙ
НОМИНАЦИИ В КОНСТРУКЦИИ ОБОСОБЛЕННОГО ПРИЛОЖЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА)**

Если обе составляющие части конструкции обособленного приложения считать первичным и повторным наименованиями одного и того же объекта, то под многофокусной повторной номинацией в указанной конструкции следует понимать такое повторное наименование, которое дается другим именуемым субъектом по сравнению с первым наименованием либо совмещает в себе позиции разных именуемых субъектов.

Рассмотреть стилистические функции многофокусной повторной номинации в конструкции обособленного приложения нам помогает классификация, в которой мы различаем контактную и дистантную позиции повторной номинации, а также семантическое наполнение обоих наименований в конструкции, отраженное в семантических моделях. Семантические модели составлены из пяти семантических типов наименований, на которые мы делим все возможные наименования объектов. Это прямые наименования (D), местоименные (P), субъективные (Q), метонимические (M) и наименования, которые, в зависимости от ситуации, выступают то прямыми, то косвенными (H). Сочетания указанных семантических типов наименований дают 25 семантических моделей. Первая часть модели символизирует семантический тип первичного наименования, вторая — семантический тип повторного наименования. Десять моделей являются синтагматическими вариантами других десяти, пять представляют в обеих частях символы наименований, относящихся к одной семантической группе:

D—D	H—D	P—D	Q—D	M—D
D—H	H—H	P—H	Q—H	M—H
D—P	H—P	P—P	Q—P	M—P
D—Q	H—Q	P—Q	Q—Q	M—Q
D—M	H—M	P—M	Q—M	M—M

Проследим использование повторной номинации — обособленного приложения в некоторых из этих форм.

Контактная позиция. В модели P—D повторная номинация (встречается в несобственно-прямой речи) подчеркивает первое наименование, делает его весомее, заставляет обратить на него внимание. Расположение номинаций в таком случае только контактное: "Erst dabei sah Trini wieder, daß der Onkel noch dieselben guten Augen hatte wie früher. Es freute ihn auch, daß Jeronimo mit ihm sprach wie mit einem Erwachsenen und ihm sagte, man müßte auf der Hut sein. Er, Trini, wollte schon aufpassen" [7]; "Natürlich war das Ekel schuld, aber durfte er, Budislaw, sich hinreißen lassen, diesem Menschen die Wahrheit zu sagen, die der ja in seiner Sturheit nicht begriff?" [5]; "Denn seine Freunde vom Dorfe muß-

ten erfahren, was hier vor sich ging. Wer sonst als er, Juan, konnte eine solche Nachricht bringen? Und dazu mußte er nüchtern bleiben" [7]. Во всех этих примерах чувствуется голос персонажа, осознающего свои достоинства в сложившейся обстановке: кто-то другой может поступить иначе, а он, Будислав (Трини и т. д.), — не может.

В следующей паре наименований из прямой речи второе наименование не принадлежит говорящему. Оно было или могло бы быть употреблено другим. Для того чтобы понять использование повторной номинации, надо знать более широкий контекст. Все люди, приехавшие на место работы, вылезли из грузовика. Только надзиратель Кубу и его жена Кашкиба остались в машине. Кубу тоже хотел спрыгнуть и закурить, как все, в машине этого делать нельзя. Но Кашкиба, громадная грубая женщина, которая во всем руководила мужем, не разрешила ему слезть и схватила его за плечи своими огромными руками. Кубу, желая добиться своего другим путем, назвал ее ласковым именем. Тогда Кашкиба согласилась при условии, что муж снимет ее с машины. Кубу очень не хотелось, да, возможно, и не под силу было выполнить это желание, и он сделал вид, что не слышит. Все были свидетелями этой сцены, и вот один из рабочих, Макоке, говорит: "Pack sie an, Kubungulu", neckte Makoke. "Zwick sie, die liebliche Kaschkibalinka. Ein bißchen nur. Zeig, was du kannst!" [8]. Die liebliche Kaschkibalinka — эти слова, которые как бы приписываются Кубу и по своему содержанию прямо противоположны истине, служат издевкой над Кубу и его женой. Хотя так выразят люди свое отношение к надсмотрщику. Кроме того, автор подметил наблюдательность и неугасающее чувство юмора народа даже в тяжелых жизненных условиях.

В несобственно-прямой речи в модели Р — Н повторная номинация тоже подчеркивает личное местоимение, но выделяет в нем только одну важную в данном случае сторону, на которую и делается упор. Наименование, называющее эту сторону, служит объяснением причины поведения или состояния персонажа: "Prinz Max war sprachlos über die Entgleisung, ihm, dem Reichskanzler, so vorzugreifen" [5]; "Noch mehr aber bewunderte er sie, die Heldin, die in die Gefahr gehen wollte" [6]; "Es überwältigte ihn, daß er, der alte Hafenarbeiter, einen Brief bekommen hatte" [6]. Следует отметить, что в подобных примерах разрушение конструкции, т. е. опущение местоимения, на первый взгляд необязательно, так как оно наполняется конкретным содержанием лишь благодаря повторному наименованию, ведет к искажению содержания фразы. Если преобразить пример из модели Р — D: "Natürlich war das Ekel schuld, aber durfte Budislaw sich hinreißen lassen, diesem Menschen die Wahrheit zu sagen, die er ja in seiner Sturheit nicht begriff?" — то почти полностью исчезает эффект многофокусности, повествование ведется как будто только автором, а в примерах из модели Р — Н создается впечатление,

что речь идет о каком-то другом лице: "Es überwältigte ihn, daß der alte Hafenarbeiter einen Brief bekommen hätte».

В модели Q — D(H) на первом месте стоит оценка или показано образное восприятие того, что названо первым членом конструкции. Повторное наименование разъясняет, что имеется в виду. Модель очень экспрессивна, так как читатель сразу окунается в мир настроений персонажа. Первое, субъективное наименование всегда выражает чужое мнение (не авторское). Оно может показывать одобрение или неудовольствие, давать уточненному повторной номинацией лицу или предмету характеристику, которую не может дать автор в рамках своих «писательских» норм: "Gero ließ sich von seinen Burschen mit Bürste über die Stiefel fahren und trat auf die Straße. Der Fußsteig war so aufgeweicht, daß Gero auf dem unregelmäßigen Pflaster des Fahrdamms ging. Auch der war von einer glitschigen Schmutzschicht überzogen. Ein scheußliches Nest, dieses Zossen! Dabei sollte es im Sommer gar nicht so häßlich sein" [5]. В этом примере из несобственно-прямой речи сочная характеристика принадлежит, конечно, персонажу и выдает его настроение. Наименование, данное в уточнении, может принадлежать и персонажу, и автору. Повторная номинация здесь не обязательна, но желательна, особенно в детской литературе, так как она исключает возможность неверного истолкования, к чему относится оценка, данная первым наименованием, и, кроме того, наличие определенного артикля или указательного местоимения при имени собственном в повторной номинации поддерживает и усиливает экспрессию первичного наименования. Такая конструкция придает повествованию живость, динамичность.

В примере „Die schwarzen Brüder, die Stifel, waren das erste, was Bunny vom Menschen zu sehen bekam, wenn er im Korb unter dem Wagen lag" [3] автор употребляет выражение die schwarzen Brüder. Именно так воспринимает недавно появившееся на свет животное сапоги человека, ухаживавшего за ним. Здесь повторная номинация обязательна, иначе было бы невозможно догадаться, о чем идет речь. А в примере „Karlchen sah im Traum wieder den Tiergarten. Die Bäume waren sehr merkwürdig. Es waren Bäume, aber sie waren zugleich ungeheure Tiere im Nebel. Ihre langen schwarzen Rüssel und Arme baumelten langsam, und sie kamen näher... Sie hatten alle ein Bein. Einen großen, dicken, schwarzen Stamm. Es standen vielleicht schon zwanzig um Karlchen herum. Der Himmel war ganz rot" [1] с помощью первого наименования автор передает возбужденное состояние ребенка, преследуемого шпионами. Авторское пояснение в виде повторной номинации-приложения возвращает читателя в реальный мир, помогая ему с помощью контраста обоих наименований понять, что значили для мальчика переживания прошедшего дня.

Причины появления и суть дистантных обособленных приложений одинаковы как для однофокусной, так и для многофокусной форм. С одной стороны, дистантное расположение может быть вы-

звано языковыми причинами, а не специальным заданием автора, и тогда повторная номинация не получает дополнительной окраски по сравнению с контактной. С другой стороны, дистантное расположение выбрано автором умышленно. Но поскольку дистантная повторная номинация более самостоятельна, чем контактная, и обнаруживает меньшую связь с первичным наименованием, то ее применение возможно не всегда. Отсюда — разница в частоте использования контактных и дистантных форм. Многофокусная дистантная повторная номинация служит для выполнения той же роли, что и контактная, однако специальное разъединение членов конструкции обособленного приложения промежуточными словами вносит дополнительную экспрессию.

В модели Н — Н, если члены конструкции находятся в отношении пересечения, оба наименования характеризуют объект с разных точек зрения. Первая номинация является как бы прямой, вторая подчеркивает в объекте ту сторону, которая необходима для авторского замысла. В примере, приведенном ниже, слова der kleine Kamerad дают читателю почувствовать, кем есть для отца его единственная дочь и как ему, не имеющему больше родных, будет одиноко, когда она уедет учиться в город. В повторной номинации слышится голос отца, он считает дочь своим маленьким другом, а автор, вводя эти чужие слова в свою речь, выражает сочувствие своему персонажу: „Seitdem hausten sie, Vater und Tochter, hier auf der Viehfarm zusammen, schlecht und recht. Auch heute konnte sich der Vater nicht vorstellen, wie er ohne sein Mädels hier leben sollte, ohne den kleinen Kameraden. Aber es mußte doch einmal sein“ [3].

В этой же модели, если члены конструкции находятся в отношении включения (гипероним — гипоним), в основной массе примеров повторная номинация повторяет первичное наименование, конкретизируя его с помощью определений. Многофокусность наименований реализована здесь в несобственно-прямой речи. Определение при повторе выделяет голос персонажа: „Tommy durfte auf dem Traktor fahren, Tommy durfte nach England in die Schule gehen, in eine richtige Schule“ [8].

Лексически повторенное наименование с определением может давать оценку тому, о чем говорится. Оценка отражает мнение персонажа: „Holler spürte es: Der Kompaniechef überließ die eigentliche Entscheidung ihm. Eine schwierige Entscheidung! Versagte Hertel, so wird er, sein Kommandant, dem Kompaniechef gegenüber die volle Verantwortung tragen müssen“ [2].

В моделях группы Р очень чувствуются разговорные интонации действующих лиц, хотя формально речь принадлежит автору.

Р — D: „Aber sie war doch so groß, die Kaschkiba, und sie war stark wie ein starker Mann“ [8]; „Marion ist ein feiner Kerl“, sagt Mutter. Das will Reiner nun auch nicht. Eigentlich kann er sie ja überhaupt nicht leiden, diese eifrige Tante Marion“ [4] (вариант модели Р — (D + Q)).

Р — Н: „Warum fragt denn die Marion? Reiner ist wieder einmal zornig. Sie können's nicht aushalten, diese Mädchen" [4].

Такое использование повторной номинации вносит оживление в повествование, делает его динамичным и позволяет писателю разнообразить способы изложения.

Модель	Много- фокусная контакт- ная	Многофокус- ная дис- тантная
D—D	2,20	0,16
D—H	1,06	0,08
D—P	—	—
D—Q	0,24	0,08
D—M	—	—
H—D	0,98	0,24
H—H	2,28	1,14
H—P	—	—
H—Q	0,57	0,16
H—M	—	—
P—D	2,28	0,89
P—H	2,44	0,33
P—P	—	—
P—Q	0,08	0,33
P—M	—	0,08
Q—D	0,24	—
Q—H	0,33	—
Q—P	0,08	—
Q—Q	0,16	—
Q—M	—	—
M—D	—	—
M—H	—	—
M—P	—	—
M—Q	0,08	—
M—M	—	—
Всего	13,02	3,50

Итак, мы считаем, что повторная номинация в конструкции обособленного приложения выполняет различные функции и это отражается в различных, в каждом случае определенных, семантических моделях. Многофокусность вносит свои добавления в понимание конструкции в целом, сталкивая противоположные или сливая одинаковые точки зрения автора и персонажа или различных персонажей и являясь, таким образом, особым стилистическим приемом.

В таблице показана частота использования многофокусной повторной номинации в конструкции обособленного приложения (в процентах по отношению ко всем формам повторной номинации, включая однофокусные). Материал взят из 40 произведений 34 авторов. Ввиду того, что некоторые писатели отдают предпочтение тем или иным формам, данную таблицу предлагаем лишь как определяющую тенденции употребления установленных форм повторной номинации в конструкции обособленного приложения.

нации в конструкции обособленного приложения.

Список литературы: 1. Balazs B. Karlchen, durchhalten.— Moskau: Verlagsgenossenschaft Ausländischer Arbeiter in der UdSSR, 1936.— 141 S. 2. Dietrich S. Die Kinder vom Teufelsmoor.— Berlin: Kinderbuchverlag, s. a.— 175 S. 3. Durian W. Robber.— Berlin: Kinderbuchverlag, s. a.— 103 S. 4. Görllich G. Der Fremde aus der Albertstraße.— Berlin: Kinderbuchverlag, s. a.— 178 S. 5. Renn L. Auf den Trümmern des Kaiserreichs.— Berlin: Kinderbuchverlag, s. a.— 432 S. 6. Renn L. Camilo.— Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Bd 10.— Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1970, S. 429—478. 7. Renn L. Trini.— Gesammelte Werke in Einzelausgaben, Bd 10.— Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1970, S. 5—358. 8. Richter Götz R. Die Höhle der fliegenden Teufel.— Berlin: Kinderbuchverlag, s. a.— 93 S.

Поступила в редколлегию 10.10.80

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С МЕЖСОБЫТИЙНЫМИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫМИ ПРЕДИКАТАМИ

Когда речь идет о выражении причинно-следственных отношений в немецком языке, то в первую очередь называют сложноподчиненные предложения с союзами причины и следствия, сложносочиненные предложения, сочетания самостоятельных предложений, предложения с причастными и инфинитивными конструкциями, словосочетания с предлогами причинного значения, сложные слова [3, с. 323—325; 10, с. 519—520; 4, с. 84—101; 1; 11, с. 116—125, 193—198; 8, с. 5—19; 2, с. 131; 7; 9; 5; 6, с. 20—37; 12, с. 367—370].

Будучи, безусловно, важными и частоупотребительными, эти конструкции тем не менее не исчерпывают всей совокупности средств выражения причинно-следственных отношений. В целом ряде случаев к их выражению ставятся такие требования, которым не всегда удовлетворяют перечисленные средства. Одной из таких областей является история как наука, изучающая прошлое человеческого общества. Задача истории не только в накоплении и изучении фактов, но и в раскрытии связей и взаимозависимости отдельных явлений. При описании последовательности событий, их взаимосвязи и сложной взаимообусловленности у историка возникает необходимость выразить причинно-следственные значения более дифференцированно, более эксплицитно, чем это делает, например, поэт. Историк четко разграничивает повод, предлог, мотив, причину, допускает наличие целого комплекса причин при исследовании определенного следствия, результата и может подчеркивать только одну из важнейших причин. Наконец, он может не называть конкретную причину, а отсылать к некоторой совокупности событий, в которой следует искать событие-причину.

В подобных ситуациях кроме грамматикализованных средств, которые больше *указывают* на определенные причинно-следственные значения, чем называют их (союзы, предлоги, порядок следования составляющих, их обобщенное значение, интонация), используются лексические средства, прямо называющие соответствующее отношение: причину, мотив, повод, следствие, результат, понятие обусловливания одного события другим, возникновения одного в результате другого: (1) "Daß ein relativ starkes Königtum an der Spitze des zentralen Staates fortbestand, *hat seine Ursache* nicht zuletzt in der Existenz einer Reichskirche" (J. Streisand, S. 38); (2) "Die Hoffnung, von den Siegermächten völlig "freie Hand" für den "Kampf gegen den Bolschewismus" zu erhalten, *hatte zur Folge*, daß sogar noch die im August 1919 verkündete Weimarer Verfassung die Möglichkeit einer baldigen Einführung der allgemeinen Wehrpflicht offenließ" (S. 310—311); 3) "Daß die feudalen Großgrundbesitzer zu Agrarkapitalisten werden konnten, *war einer der Gründe*

даfür, daß die Reichsgründung 1871 in der Form einer "Revolution von oben" vor sich ging" (S. 140); (4) "So führte "der totale Krieg" vor allem zu einer Verschärfung des Terrors» (S. 390).

Семантическая структура таких причинно-следственных конструкций (ПСК) включает событие-причину, событие-следствие и межсобытийный предикат-связку. Речевая реализация этой инвариантной структуры, зависящая не только от замысла и намерений автора высказывания, но и от его предшествующей речевой деятельности, может обуславливать появление высказываний с различной синтаксической структурой и языковым значением.

Анализ ПСК из произведения И. Штрейзанда (Joachim Streisand. Deutsche Geschichte in einem Band.— Berlin, 1974. 483 S.) показал, что для выражения причинно-следственных отношений используются такие лексические средства:

1) субстантивно-глагольные сочетания: den Anlaß bieten, den Anlaß geben, der Anlaß ist, zum Anlaß nehmen, zum Anlaß werden, das Ergebnis ist, Ergebnisse haben, zur Folge haben, die Folge ist, der Grund (einer der Gründe) ist, es gibt Gründe, die Grundlage dafür, ist, die Motive sind, die Ursache (die Hauptursache) ist, Ursache haben, den Vorwand bieten, der Vorwand ist, die Wurzeln liegen;

2) глаголы: а) auslösen, beitragen, bewegen, bringen, einleiten, entspringen, ergeben, sich ergeben, erleichtern, ermöglichen, fördern, führen, herbeiführen, hervorgehen, hervorrufen, lassen, daran liegen, machen, veranlassen, verschaffen, verursachen, nach sich ziehen, zwingen (erzwingen); б) behindern, hemmen, verhindern.

Межсобытийные предикаты типа behindern, hemmen, verhindern противопоставлены остальным по признаку внутреннего отрицания. Они указывают на наличие неблагоприятных условий, которые затрудняют наступление следствия или делают его невозможным. Отсутствие ожидаемого события в определенное время, невозможность наступления события и есть следствие в ПСК с названными предикатами. (5) "Im Bündnis mit den Westmächten verhinderte die Großbourgeoisie in den westlichen Besatzungszonen die Durchführung der entscheidenden Festlegungen des Potsdamer Abkommens — verhinderte sie um den Preis der Spaltung Deutschlands" (S. 414).

В одном предложении могут совмещаться несколько ПСК, так что в нем будут употреблены либо одно из указанных лексических средств (субстантивно-глагольное сочетание или глагол) (см. (1), (2), (3), (4)); либо два однородных (два субстантивно-глагольных сочетания или два глагола): (6) "Den gescheiterten Versuch Ludwigs XVI., aus Frankreich zu fliehen, und seine Folge, die Einschränkung der Bewegungsfreiheit des landesverräterischen Königs durch das Parlament nahmen der Kaiser des Reiches und der König von Preußen zum Anlaß, die Pläne einer Intervention der Feudalmonarchien in Frankreich offen zu verkünden" (S. 115); либо два разнородных средства (субстантивно-глагольное сочетание и гла-

рол): (7) "Dieses Attentat *war ... der Anlaß* des Ausbruchs des ersten Weltkrieges — aber es war der Anlaß nicht in dem Sinne, daß es automatisch den Krieg **auslösen** mußte" (S. 251).

Близкими к глаголам типа *führen*, *veranlassen*, *verursachen*, которые функционируют как предикаты-связки, являются каузативные глаголы типа *verbessern* (besser machen), *verschärfen* (scharf, schärfer machen). Однако такие глаголы отличаются от первых тем, что совмещают и причинно-следственное, связочное значение (компонент *machen*) и часть значения события-следствия (*etwas ist / wird besser, scharf, schärfer*) [ср. 8, с. 8]. Примечательно, что отглагольные существительные *Verbesserung*, *Verschärfung* могут выступать в роли события-причины и события-следствия: *Die Verbesserung der Beziehungen führte dazu, daß ... Dieser Prozeß hatte zur Folge die Verbesserung der Beziehungen*. При этом в них теряется сема «связочности», т. е. указание на причинно-следственную связь (*machen*), сема, которая есть в глаголе (*verbessern = besser machen*). Ср.: *das hatte zur Folge die Verbesserung der Beziehungen = das hatte zur Folge, daß die Beziehungen besser wurden (waren)*.

Существительные от глаголов типа *führen*, *verursachen*, *veranlassen*, в которых основным является значение причинно-следственной связи, не могут выступать в роли события-причины и события-следствия. Ср. некорректность предложений типа *Das führte zur Veranlassung des ...* из-за их тавтологичности, повторения связочного значения в лексемах *führen* и *Veranlassung*.

ПСК может иметь форму простого предложения (см. (4)); простого предложения, осложненного инфинитивной группой: (8) "Gustav Adolf ... nahm die Bedrohung des Protestantismus durch die Siege der Heere Wallensteins zum Anlaß, um Schweden die Vormachtstellung im Ostseeraum zu verschaffen" (S. 81); сложноподчиненного предложения с одним (см. (1), (2)) или с двумя придаточными (см. (3)); сложноподчиненного предложения, в котором придаточное присоединяется с помощью слова *was*: (9) "Diese ausländischen Fürsten übten einen beträchtlichen Einfluß im Deutschen Bund aus, was zur Folge hatte, daß sich alle internationalen Spannungen auf Deutschland übertrugen" (S. 150—151); сочетания самостоятельных предложений: (10) "Wir wissen, daß die ... Aufgaben der Revolution nicht gelöst wurden. Die Hauptursache dafür ist, daß die Bourgeoisie die Vereinbarungen mit dem Adel einging und gegen die Werktätigen Partei nahm" (S. 176).

Событие-причина выражается отглагольными существительными (der Kampf, die Entwicklung, die Entstehung): (11) "Die Entstehung des deutschen Nationalstaates förderte die kapitalistische Entwicklung" (S. 211); так называемыми событийными существительными (der Krieg, die Politik, die Revolution, der Prozeß) (см. (4)); существительными отвлеченно-обобщающей семантики (die Maßnahme, der Faktor, die Tatsache): (12) "Diese Tatsache erleichterte die schnelle Ausbreitung des Thüringer Aufstandes im Jahre 1525" (S. 67);

придаточным предложением с союзом daß (см. (3), (5)), wenn: (13) «Wenn die "Gleichschaltung" und die Zerschlagung der Gewerkschaften und Parteien Naziartei und Staat verschmolzen, so sollte damit ... die Entwicklung des staatsmonopolistischen Kapitalismus weiter gefördert ... werden" (S. 356); главным предложением, после которого следует присоединительное придаточное с was (см. (9)); самостоятельным предложением, после которого уже в рамках другого предложения (в центральной части ПСК) употреблено указательно-обобщающее слово типа das, dies, all das: (14) "Im Herbst 1792 errangen die französischen Truppen auch Siege in Belgien ... und erreichten, daß österreichische Armeen das Land räumten. Das hatte zur Folge, daß England in den Krieg gegen die französische Republik eingriff" (S. 118).

Событие-следствие выражается существительным: (15) "Diese unverhohlenen vorgetragenen Vorstöße lösten aber heftige Proteste der Werklätigen aus ..." (S. 425); придаточными предложениями с daß (см. (1)), wenn: (16) "Wenn die Arbeitslosenziffer noch einmal im Winter 1932/33 anwuchs, war dies saisonbedingten Ursachen zuzuschreiben" (S. 345); инфинитивной группой с (um) zu (см. (8)).

Одна и та же причина может повлечь за собой несколько следствий и, наоборот, одно следствие может иметь несколько причин [ср. 6, с. 11]. Предложения, составляющие в данном случае ПСК, представляют собой, как правило, сочетание самостоятельных предложений, где после общей причины (или следствия) ставится двоеточие: (17) "Diese Bewegungen hatten drei wesentliche Ergebnisse (G. Vogler): 1. In den Städten gab es keine feudale Abhängigkeit mehr. 2. Es entstanden bürgerliche Stadtgemeinden. 3. Die Wirtschaft konnte sich in den Städten nun natürlich wesentlich besser entwickeln" (S. 44).

Будучи семантически (логически) двухвалентным, межсобытийный предикат-связка может по-разному реализовать свою синтаксическую валентность при построении конкретного предложения-высказывания. С точки зрения реализации синтаксической валентности межсобытийные предикаты-связки делятся на две группы. В первую входят предикаты-связки, глагольный элемент которых синтаксически двухвалентен. Особенность предложений с этими предикатами проявляется в том, что компоненты части предложения, отражающие событие-причину, четко отделены глагольным элементом от компонентов части предложения, отражающей событие-следствие. Можно утверждать, что в предложениях с данными предикатами-связками логическая валентность совпадает с синтаксической. К первой группе предикатов-связок относятся: а) все субстантивно-глагольные сочетания: (18) „Diese Provokation bot den Vorwand zum Abbruch der diplomatischen Beziehungen mit Sowjetrußland und zur Ausweisung der sowjetischen Botschaft" (S. 281); б) глаголы: auslösen, beitragen, behindern, einleiten, entspringen, ergeben, sich ergeben aus, fördern, führen, hemmen, hervorgehen aus, daran liegen, verursachen, nach sich ziehen (см. (4), (5), (11)).

Во вторую группу входят предикаты-связки, глагольный компонент которых является синтаксически трехвалентным. Трехвалентность глагола-сказуемого свидетельствует о несовпадении логической и синтаксической валентности. Как синтаксически трехвалентные реализуются следующие предикаты-связки: bewegen, bringen, lassen, machen, veranlassen, verhindern, zwingen. (19) „Das Vorrücken der Türken zwang Karl V. jedoch im Jahre 1532 mit dem Religionsfrieden von Nürnberg bis zu einem allgemeinen Konzil den Protestanten freie Religionsausübung zuzugestehen“ (S. 77).

Особенность предложений с синтаксически трехвалентными предикатами-связками проявляется в том, что часть предложения, отражающая событие-следствие, разбивается на две синтаксические позиции. В одной синтаксической позиции употребляется название деятеля события-следствия, во второй — название действия в широком понимании: (20) „Die militärischen Erfolge ... |veranlaßten|¹ Frankreich, |nun offen in die militärischen Auseinandersetzungen einzugreifen² (S. 82); (21) Die Erklärung des uneingeschränkten U-Boot-Krieges |veranlaßte|¹ die USA ... |zum Eintritt in den Krieg (S. 260—261); (22) Zugleich hatte die Einführung des Zündnadelgewehrs ... |den preußischen Soldaten | auch in der Bewaffnung² die Überlegenheit |verschafft (S. 203).

Таким образом, материал статьи показывает, что, будучи содержательно и функционально близкими сложноподчиненным предложениям с придаточными причины, следствия, сложносочиненным предложениям с *darum*, *deshalb*, *deswegen* и др., а также другим конструкциям с причинно-следственными значениями, рассматриваемые ПСК отличаются от перечисленных сложных и усложненных предложений своей структурой и языковым значением. Из этого следует, что при изучении средств выражения причинно-следственных отношений в немецком языке необходимо не только называть анализируемые ПСК наряду с другими средствами, но и объяснять черты их синтаксического и семантического своеобразия. Исследуемые конструкции особенно целесообразно сделать предметом изучения на занятиях по немецкому языку на историческом факультете, так как данные конструкции являются одной из характерных черт немецких текстов по специальности «история».

Список литературы: 1. Боев О. Д. Сложные предложения с причинными отношениями в современном немецком языке и их коммуникативное членение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— М., 1963.— 30 с. 2. Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке.— М.: Высш. школа, 1971.— 206 с. 3. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык: Теоретический курс.— 3-е перераб. изд.— М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1957.— 420 с. 4. Ильина Л. Г. О некоторых способах выражения причинных отношений в современном немецком языке.— Вопросы филологии. М., 1962, вып. 1, с. 84—101. 5. Комаров А. П. Система средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.— М., 1973.— 70 с.

6. Откупщикова М. И., Замбрыцкий В. Л. Коннектор причины и способы его выражения в тексте.— Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности.— Л., 1976, вып. 3, с. 20—37. 7. Паттиш С. М. Причинные предложения с союзами *wande, denn, weil* и *da* в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Л., 1971.— 19 с. 8. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Отв. ред. А. А. Холодович.— Л.: Наука, Ленингр. отд., 1969.— 311 с. 9. Boettcher W. Studien zum zusammengesetzten Satz.— Frankfurt/Main: Athenäum.— Verl., 1972.— 181 S. 10. Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache.— L., 1962.— 700 с. 11. Hartung W. Die zusammengesetzten Sätze des Deutschen.— Berlin: Akademie-Verl., 1964.— 220 S. 12. Schendels E. I. Deutsche Grammatik.— М.: Vyssaja škola, 1979.— 397 S.

Поступила в редколлегию 10.10.80.

О. А. РАССКАЗОВА

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАУЗАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматическая форма *faire* + инфинитив является наиболее универсальным средством выражения побуждения к действию во французском языке. Но имплицитно значение каузативности заключено и в семантике многих глаголов, способных в определенных контекстуальных условиях реализовать семы, тождественные семам основного значения указанной грамматической формы. Так, во фразе «... Il avait un sourire qui *la désarmait, la faisait retourner* à sa place avec du rouge aux pommettes...» [11, с. 63] параллельное употребление лексической и грамматической форм наглядно демонстрирует каузативный характер глагола *désarmer*.

Во многих глаголах каузативность имеет скрытый характер, или, как говорит Ш. Балли, «конденсированный». В соответствии со своей теорией сводимости всех отношений к «управлению» или «присущности» Ш. Балли считает, что глагол *donner* может быть раскрыт как *faire avoir* для отношения управления, а глагол *égayer*, например *faire être gai*,— для отношения присущности. Согласно Балли, каузативное значение сводится к двум формулам — *faire faire* и *faire être*,— хотя их аналитические эквиваленты в языке не всегда имеются [2, § 117]. Ж. Дамурет и Э. Пишон, введя понятие *immixtion* для определения отношения воздействия субъекта на объект, устанавливают градацию в степени и стиле данного воздействия: а) *Cet homme fit payer ses dettes par son frère* (каузативность); б) *Cet homme laissa payer ses dettes par son frère* (толеративность); в) *Cet homme vit payer ses dettes par son frère* (коннективность) [3]. Л. Теньер выявляет значение каузативности, имплицитно заключенное в семантике глаголов, методом трансформаций: *renverser* = *faire tomber*, *tuer* = *faire mourir*, *montrer* = *faire voir*, etc. [4, с. 259]. Конечно, как справедливо отмечает Т. А. Абросимова, сфера применения подобных глаголов ограничена лексическим значением. Тем не менее их число

чрезвычайно велико. К ним она относит целый ряд глаголов [1]. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что они не однозначны. Различный характер побуждения определяется различным лексическим наполнением используемых глаголов: каузативное отношение может состоять не только в побуждении к действию, но и в его прекращении, а также в воздействии на состояние объекта; субъект может быть представлен как вызывающий действие, как его источник или как допускающий действие. Кроме того, описываемые глаголы обладают разной интенсивностью признаков, указывающих на определенную градацию значения каузативности. Так, глаголы *forcer* и *contraindre* в сочетании с инфинитивом широко передают идею принуждения к какому-либо действию, а глагол *porter* в таких же синтаксических условиях имеет менее решительный характер, означая лишь «склонять к чему-либо».

Исходя из сказанного выше, нам представляется возможным выделить четыре лексико-семантические модели каузативных конструкций. Под такой моделью мы понимаем разнообразные синтаксические структуры плана выражения (как глагольные сочетания, так и единичные глаголы), объединенные общим семантическим заданием. Это модели с семами: 1) побуждения к действию; 2) прекращения действия; 3) допущения действия; 4) воздействия на состояние объекта.

1. К первой модели относится прежде всего глагольная конструкция *faire* + инфинитив, в которой субъект каузативной формы не сам выполняет действие, а побуждает к действию другого его участника, непосредственного исполнителя действия: "...*Des rossignols lointains mêlaient leur musique égrénée qui fait rêver, sans faire penser...*" [8, с. 108]; "*Je me rappelai aussi qu'une bonne femme m'avait fait boire un verre de vin*" [9 с. 225]. Сюда же можно отнести глаголы *forcer*, *contraindre*, *obliger*, *pousser*, *porter*, наиболее близко стоящие к «ядерной» форме: "*Il s'approcha, me saisit par le bras, me forçant à m'asseoir sur le rebord du lit*" [5, с. 53]; "*On avait décidé, pour ne pas le pousser à la révolte, de ne rien demander au fugitif*" [5, с. 47].

В зависимости от значения входящего в состав данной конструкции инфинитива глагола (если это глагольное сочетание) или единичного глагола субъект может быть представлен как вызывающий действие, производимое объектом, как его источник и как причина: "*Un bruit bien connu fit tressaillir tous les voyageurs*" [8, с. 39].

2. Данная модель представлена глагольным сочетанием типа *faire cesser*, *faire tomber*, а также предельными глаголами *empêcher*, *défendre*, *interdire*, *renverser*, *tuer*, etc.: "*En revenant j'ai renversé le pot*" [7, с. 68]; "...*Et je sais que rien ne peut la faire cesser, rien*" [8, с. 243]. Эти конструкции могут формироваться несколькими синонимическими и взаимозаменяемыми глаголами на основе близости структурно-семантических признаков: *empêcher* — *déranger*; *défendre* — *interdire*; *tuer* — *égorger*.

3. В формировании третьей модели участвует прежде всего глагол *laisser* в сочетании с инфинитивом, который несет основную семантическую нагрузку конструкции, а также глаголы типа *permettre*, *autoriser*, *recommander*, *proposer* и другие, включающие сему «допустимости действия» (толеративности): “Il n’écoutait plus rien, il n’y avait qu’à les *laisser faire*” [9, с. 78]; “Le programme commun des communautés, des socialistes et des radicaux de gauche *permet d’unir* la majorité des Français pour un changement politique profond” [13, с. 12].

4. В этой модели воздействие субъекта на состояние объекта выражается в самом общем его смысле каузативным глаголом *rendre*: *rendre heureux*, *rendre malade*, посредством атрибутивных глаголов *blanchir*, *égayer*, *bouillir*, *brunir* и др. (по терминологии Ш. Балли, выражающих отношение присущности), а также различными другими глаголами, включающими сему воздействия: “M. Seurel *refroidit* tout le monde en disant: “Allons! Ce sera Mouchebœuf” [5, с. 34]; “Elle le *chargeait de tendres liens*: de musique, d’amour, de fleurs [10, с. 94]; “Il avait subi une opération pour changer la forme de son nez et *rendre son visage plus harmonieux*” [11, с. 22].

Особо следует отметить, что средством выражения каузативности служат также глагольные суффиксы: —iser, —ifier. Образованные с их помощью глаголы передают различные оттенки побудительности, чаще всего воздействие субъекта на состояние объекта:

“En conclusion, nous devons continuer a *mobiliser* tous les militants.

La voie démocratique au socialisme c’est une suite de luttes opiniâtres, de luttes de masse, pour *modifier* toujours plus le rapport des forces sociales et politiques au profit des travailleurs” [12].

Рассмотренные модели позволяют сделать вывод о наличии во французском языке лексико-семантических конструкций, выражающих каузативное значение и приближающихся по своему значению к грамматической форме каузатива.

Список литературы: 1. Абросимова Т. А. Способ выражения каузативности во французском языке.— Уч. зап. ЛГПИ, 1959, т. 211, с. 94—97. 2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.— М.: Изд-во иностр. лит., 1955.— 416 с. 3. *Damourette J., Pichon Ed. Essai de grammaire de la langue française (Des mots à la pensée): 7 v.*— Paris, 1911—1940. 4. *Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale.*— Paris: Editions Klincksieck, 1976.— 674 p. 5. *Alain-Fournier H. Le grand Meaulnes.*— М.: Editions du Progrès, 1971.— 278 p. 6. *Bazin H. Cri de la chouette.*— Л., 1976.— 154 p. 7. *Maupassant G. de. Une vie.*— М.: Editions en langues étrangères, 1976.— 240 p. 8. *Maupassant G. de. Contes et nouvelles.*— М.: Editions du Progrès, 1974.— 335 p. 9. *Rolland R. L’âme enchantée.*— М.: Editions en langues étrangères, 1955.— 554 p. 10. *Saint-Exupéry A. de. Vol de nuit.*— Paris, 1978.— 175 p. 11. *Simenon G. Les 13 coupables.*— Paris: Fayard, 1957.— 179 p. 12. *Humanité*, 12.02.1980. 13. *France Nouvelle*, 1980.

Поступила в редколлегию 05.11.80.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГРАММАТИКО-ЛЕКСИЧЕСКОГО МИКРОПОЛЯ БУДУЩЕГО В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Английский и русский языки, несмотря на свою принадлежность к единой лингвистической семье — индоевропейской, — в результате своеобразного исторического развития резко отличаются друг от друга как по строению морфологической системы в целом, так и по способам выражения отдельных понятий и категорий.

Основная задача данной работы — дать по возможности полное описание системы средств передачи будущего времени в русском языке в сопоставлении с английским языком. Сам характер исследуемого материала диктует необходимость типологического подхода к данной проблеме, который позволяет более отчетливо увидеть специфику грамматического строя обоих языков. Сравнительная типология, призванная уделять равное внимание и структурным и функциональным различиям между сопоставляемыми языками, не только служит целям наиболее исчерпывающего теоретического описания этих языков, но и позволяет решить многие проблемы частной методики преподавания, способствует более целенаправленному объяснению грамматических явлений и лучшей ориентации в практике перевода.

Контрастивная лингвистическая типология исследует не частные случаи сходства и различия в структуре исследуемых языков, а преимущественно такие, которые носят общий характер, т. е. охватывают широкий круг однородных признаков. При этом для исследователя важно установить подобие (или отличия) систем различного объема и масштаба, а это, в свою очередь, предполагает систематизацию и инвентаризацию языковых форм по определенным признакам.

Представляется, что, поскольку понятие будущего времени имеет межъязыковой характер, изучение способов его выражения в таких языках, как русский и английский, в сопоставительном плане представляет определенный научный интерес.

Контрастивная типология предполагает, естественно, свои собственные методы, приемы и принципы исследования, уделяя большое внимание проблеме выбора единиц измерения типологического сходства и различий сравниваемых языков. Некоторые ученые призывают к использованию в качестве эталонов типологического сопоставления так называемые «малые системы», под которыми они подразумевают прежде всего понятийные категории [1—3]. Нам кажется, что подобный подход было бы более целесообразно осуществлять в рамках «полевой методики», которая позволяет подойти к проблеме в плане классификации форм, служащих для выражения данных категорий с распределением средств выражения исходного понятия на «ядерные» и «периферийные». Так, оптимальной

единицей типологического сопоставительного анализа нам представляется грамматико-лексическое поле, основным критерием выделения которого является общность семантической функции взаимодействующих элементов различных языковых уровней. Преимуществом ГЛП можно считать также и то, что оно, в отличие от понятийной категории, «имеет не универсально-типологический, а конкретно-языковой характер» [2, с. 11], т. е. речь идет о группировке языковых средств, их «устройении», конфигурации именно в данном конкретном языке, рассматриваемом с учетом всех его специфических особенностей» [2, с. 11], а не о чисто понятийной категории, которая проецировалась бы в принципе на все языки мира.

Грамматико-лексическое поле (ГЛП) как раз и базируется на общности некоторого инвариантного признака в семантических признаках взаимодействующих разнородных языковых средств. При этом оно опирается на категорию грамматическую, представляющую собой морфологическое ядро поля. При этом объяснительная сила ГЛП как единицы сопоставительно-типологического анализа заключается в том, что оно дает конкретно языковую, семантическую интерпретацию данного явления, а так как большинство семантических функций (в том числе и футуральность) может быть выражено и грамматическими и неграмматическими средствами, то поле дает более наглядное представление об организации языковых элементов, служащих для передачи данного значения, о распределении семантической нагрузки между морфологическими, лексическими, синтаксическими и другими компонентами, учитывая их дистрибуцию и функциональное использование. А это, в свою очередь, дает возможность определить не только факты и явления, имеющие аналогичные функции в сопоставляемых языках, но и то место, которое они занимают в своей микросистеме.

Немаловажным аргументом в пользу выбора ГЛП в качестве эталона типологического сопоставления служит также и то, что это понятие во многом преодолевает все более очевидную недостаточность статической трактовки системного подхода к изучению языков. В настоящее время, когда строй языка начинает изучаться не как статическая система, а как система динамическая, актуальной становится проблема не только чисто структурных сопоставлений, но и функционального анализа сопоставляемых структур. Исследования последних лет убедительно показывают, что пол представляют собой динамические образования, позволяющие уделять значительное внимание функциональной стороне сопоставляемых моделей, и подвержены историческим сдвигам. Вслед за Н. И. Филичевой и другими авторами мы также усматриваем причину исторической изменчивости поля в «диалектическом взаимодействии его центра и периферии» [5, с. 12]. Это взаимодействие обусловлено самой структурой языка, связью и взаимопроникновением его уровней. Предполагая иерархическую организацию компонентов в качестве своего важнейшего атрибута, ГЛП прояв-

ляется в языке именно через понятия интеграции, объединения частей в целое и подчинения их целому на основе внутри- и межсистемных связей и взаимодействия его составляющих. И, наконец, предлагаемое в качестве единицы типологического сопоставления ГЛП представляется нам шире «понятийной категории» еще и потому, что непременно включает также и количественный момент, т. е. учитывает количественную стратификацию конституентов. Количественный атрибут, присущий полю, приобретает особую важность в сопоставительных исследованиях, ибо фактический материал показывает, что «количественные отношения как элемент лимитативных связей не только пронизывает язык, будучи заложенным в основе его грамматических, фонетических и лексических построений, но и организует язык» [3, с. 6].

Как было сказано выше, в центре нашего внимания в данной работе — выражение будущего времени в русском и английском языках. Естественнo предположить, что футурум в контрастирующих языках отличается значительным своеобразием и представляет собой системы различного объема и характера. Единое инвариантное значение будущего реализуется здесь в различном количестве временных форм, которые имеют также свою специфику в области морфологии и синтаксиса. Однако различия между сопоставляемыми языками не сводятся лишь к внешнему различию в количестве способов передачи понятия будущего, они лежат глубже.

Микросистема футурума в английском языке, организованная в виде ГЛ микрополя, уже была предметом специального исследования [5]. В русском языке между разнообразными средствами выражения данного понятия также представляется возможным моделировать полевые отношения, следуя общим принципам, положенным в основу аналогичного построения в английском языке.

Прежде всего необходимо выделить характерные для каждого языка морфологические средства выражения, которые представляют ядерные компоненты в сравниваемых микрополях. В соответствии с классификацией ядерных конституентов ГЛ микрополя будущего в английском языке соответствующие компоненты русского микрополя также могут быть подразделены на первичные (прямые) и вторичные (непрямые) грамматические средства передачи данного понятия. Напомним, что первые (представленные в английском языке граммемами the Future Non-Continuous Non-Perfect, the Future Continuous Non-Perfect, the Future Non-Continuous Perfect) составляют основу ядра микрополя и содержат сему будущего на уровне парадигматики в качестве основного компонента их смысла, вторые приобретают способность сигнализировать футуральность в синтагматике, в зависимости от контекста. В английском языке к ним принадлежат: транспонированное настоящее время, императив и сослагательное наклонение.

Сопоставляя структуру морфологического ядра в соответствующих микрополях, мы можем констатировать, что компоненты, вхо-

дящие в зоны одного типа, существенно различаются своими инвентарными, частотными и функциональными характеристиками. Что касается прямых морфологических компонентов, то фактически тем временным граммемам английского языка соответствуют две дифференцированные видовые формы в русском: будущее простое (синтетическое), включающее глаголы совершенного вида, и будущее сложное (аналитическое), включающее глаголы несовершенного вида в форме инфинитива в обязательном сочетании с личной формой глагола *быть* (реже — *стать*).

Система грамматических элементов футуральности в русском микрополе охватывает также образования типа «Давай (те) решим» и «Пусть (пускай) откроет», примыкающие к глагольной парадигме и представляющие собой аналитические конструкции, сближающиеся основными своими особенностями с основными аналитическими формами будущего времени.

Доминанта обоих микрополей представлена статистически преобладающими аналитическими формами с удельным весом соответственно 50, 17 и 33,6% в английской и русской подсистемах. Синтетическое будущее в русском значительно менее распространено — 3,26%.

Вторичные грамматические ядерные конститuentы также представлены в контрастирующих микрополях по-разному, как в смысле инвентарном, так и дистрибуционном. Футуральность может быть выражена в обоих языках формами транспонированного настоящего, в функциях которого в сопоставляемых языках отмечается почти полное совпадение. Выделяется две разновидности такого употребления: а) настоящее намеренного действия, предполагающее уверенность, намерение, готовность говорящего осуществить действие; при этом указание на будущее нередко подчеркивается присутствием лексических индикаторов времени. В обоих языках наиболее типичны в таком употреблении «глаголы перемещения в пространстве» (типа русских *идти, ехать*; английских *go, come, arrive* и т. д.); б) настоящее воображаемого действия.

В английском языке настоящее время употребляется также в придаточных предложениях времени и условия, где в русском, как правило, употребляется будущее, чем, возможно, объясняется некоторое статистическое преобладание этих форм в английской микросистеме — соответственно 4,21 и 3,88%.

В отношении повелительного наклонения также наблюдается почти полное совпадение объема значений и сферы употребления в сопоставляемых языках. Как в английском, так и в русском формы императива всегда передают темпоральность, ограниченную планом будущего, что вытекает из самого значения побуждения (в них всегда присутствует сема «футурально-презентная перспектива»). В количественном же плане нельзя не отметить резкое преобладание императива, характерное для русского языка, где он является самым употребительным способом передачи футуральности, превосходя в этом отношении даже доминанту микрополя

(ср. 39,7 и 33,6%). В английской подсистеме удельный вес повелительного наклонения более чем в три раза уступает его использованию в русском языке — 39,7 и 11,2%.

Следующим непрямым (вторичным) грамматическим компонентом выступает сослагательное наклонение, так как действие, выраженное формами сослагательного наклонения в обоих языках, получает ту или иную временную отнесенность в зависимости от окружающего контекста. Общее футуральное значение форм сослагательного наклонения совпадает в английском и русском языках и заключается в признаке предположительности, гипотетичности действия. Общим является также использование этих форм для выражения побуждения. Но сходство между рассматриваемыми микросистемами, пожалуй, и ограничивается совпадением этого основного значения, в остальном имеют место значительные расхождения вследствие большей унификации как самой формы сослагательного наклонения и ее значения, так и сферы ее употребления в русском языке. Здесь фактически имеется только одна форма сослагательного наклонения, аналитическая по своей структуре, противостоящая большому разнообразию форм в английском языке. В качестве компонента микрополя будущего сослагательное наклонение находит более широкое применение в английском языке (соответственно 4,77 и 2,56%), в частности, широко употребляется для смягчения категоричности просьбы, команды, побуждения, т. е. в какой-то мере берет на себя функции, закрепленные в русском языке за императивом.

Рассмотренные выше морфологические компоненты характеризуются известным параллелизмом в рассматриваемых языках. В русском микрополе вторичными грамматическими выразителями футуральности могут выступать также инфинитив, прошедшее время и деепричастие.

Специфической чертой семантики инфинитивных предложений в русском языке является то, что они обозначают потенциальность, которой предстоит осуществиться (категорическое волеизъявление, целесообразность, желательность и т. д.). Наибольшее распространение имеют односоставные императивные предложения двух типов: а) выражающие волеизъявление, например: «*Р о щ и н. Позвоните кстаи секретарю. Задержусь на полчаса. Ждать*» (Леонов); б) вопросительные предложения без вопросительных слов: «*И с а й к а. Сказать вам тайну, Отшельников?*» (Леонов).

Прошедшее несовершенное также случается в контексте будущего времени только в русском языке, где оно может быть использовано для описания действия, которое фактически отнесено к будущему, но представлено как уже осуществившееся: «*Л у к а. Ну, я пошел пока вещи собирать*» (Леонов).

Вторичным грамматическим конституентом микрополя будущего может считаться и русское деепричастие, у которого нет категории времени, но которое также обладает не самостоятельным, а относительным временным значением. Так, отнесенность к будущему

действия, выраженного деепричастием в качестве адвербиального признака другого действия, определяется временной отнесенностью этого другого действия: «За этой ярко освещенной дверью его ждет не только покойник, а и еще что-то неведомое, опасное, от чего можно уберечься, только отступив» (Тендряков).

Если грамматические элементы представляют собой относительно замкнутую и стройную систему, то границы периферии в рассматриваемых микрополях расплывчаты и могут быть проведены по-разному. В соответствии с принятым в данной работе принципом уменьшения степени абстракции компонентов в направлении от ядра к периферии, сектор, непосредственно примыкающий к грамматическому ядру, представлен в английском микрополе грамматико-лексическими конструкциями, выполняющими футурализирующую функцию и занимающими промежуточное положение между фразеологией и грамматикой (такими, как *to be going + Inf.*, *to be about + Inf.*, *to be likely + Inf.*, *to feel like + Gerund* и др.). Некоторые исследователи считают популярность этих различных по степени грамматизованности футуральных конструкций в английском языке следствием неполной темпорализации морфологического ядра микрополя и рассматривают некоторые из них как полноправные эквиваленты морфологических единиц. Действительно, имеются убедительные доказательства того, что обладающая максимальным грамматическим потенциалом конструкция *to be going + Inf.* развивается по пути полной грамматизации (утраты модальности и приобретения чисто временного значения), «втягиваясь» в парадигму глагола. Данный грамматико-лексический элемент периферии не имеет параллели в русском ГЛМП, что может быть связано с различными, во многом противоположными, направлениями в развитии сопоставляемых языков. В английском, в частности, с его сильными аналитическими тенденциями, уровень парадигматизации некоторых форм повышается. В русском же языке, развитие которого не идет по аналитическому пути, мы наблюдаем явный количественный и качественный рост периферии микрополя будущего, охватывающей значительно большее, по сравнению с английским, разнообразие синтаксических и лексических элементов. Так, отсутствие грамматико-лексических конструкций в какой-то мере восполняется здесь своеобразными словами и сочетаниями слов, которые мы обозначили условным термином «безглагольная, или имплицированная футуральность». Наряду с предложениями со сказуемыми, выраженными словами определенных семантических групп в определенной грамматической форме в русском языке возможны также безсказуемые реализации соответствующих структурных схем, в которых место сказуемого не замещено, а с подлежащим оказываются непосредственно соотносенными — позиционно и по смыслу — те формы, которые грамматически зависят от глагола-сказуемого, не представленного в данной реализации, но обязательно принадлежащего структурной схеме предложения: «А у меня еще нынче доклад, потом ускорен-

ный выпуск на курсах, еще что-то было...» (Леонов); «Значит, по васькиному следу, Алеша?» (Леонов) (предложения запланированного действия); «(Еленочка, мне ванну горячую. Побейстрой!» (Леонов) (побудительные предложения); «Другое у ней на уме» (Леонов) (фразеологические сочетания). Иначе говоря, выразителем футуральности в русском языке может быть структура определенных типов предложений; внешними дополнительными показателями отнесенности к будущему являются синтаксические средства — элементы связи, расположение частей предложения, порядок слов и т. д. Предложения этого типа в русском языке — характерная черта экспрессивной, разговорной и непринужденной речи.

Что касается чисто лексической периферии, то следует, безусловно, отметить сильное преобладание лексической футуральности и большее ее разнообразие в русском микрополе (за счет чего доля ядерных, морфологических компонентов здесь значительно ниже удельного веса соответствующих конститuentов английского ГЛМП — 37,9 и 50,67%). В частности, характерная черта английского языка — активное использование для передачи понятия будущего модальных глаголов, являющихся самым «весомым» лексическим конститuentом ГЛМП (13,8%) и отсутствующих в русской микросистеме. В русском языке в этом значении широко функционирует особый класс слов, не имеющий аналогии в английском и известный как «слова категории состояния». Такие слова, как (не) *надо*, *должен*, *можно*, *нельзя*, *незачем* и др. в сочетании с последующим инфинитивом, существительным или дополнительным придаточным предложением являются наиболее типичными выразителями лексической футуральности в русском микрополе: «Без медицинской экспертизы в таком деле обойтись нельзя» (Тендряков); «Я справлялся у дежурного, когда вас можно поймать завтра» (Тендряков); «Тебе нужна его анкета?» (Леонов); «Надо, чтоб скорее родились наши дети» (Леонов).

В свою очередь, такие чисто лексические компоненты, выражающие данное инвариантное значение непосредственно основой, как глаголы футуральной ориентации (типа английских, *want*, *expect*, *plan*, *intend* или русских *думать*, *хотеть*, *намереваться*, *требовать* и т. д.), существительные футуральной ориентации, прилагательные и наречия соответствующей семантики и другие обстоятельственные темпоральные детерминанты являются общими для обоих микрополей и имеют почти одинаковые процентные соотношения в сравниваемых языках.

Подводя итоги анализа ГЛМП будущего в сравниваемых языках, можно отметить характерное для русского языка понижение роли морфологических компонентов в выражении данного понятия. Несмотря на то что состав грамматического ядра здесь включает большее число конститuentов, их суммарный удельный вес уступает доле соответствующего сектора английского микрополя. Есть основания говорить, следовательно, о достаточно явно выраженной тенденции к преимущественному использованию в русском

языке синтаксических средств, где идея будущего целиком обусловлена окружающим контекстом, и в особенности лексической футуральности.

В целом полученные данные свидетельствуют о том, что развитие языкового строя в каждом из сравниваемых языков идет, по-видимому, ко все большему его обогащению и максимальному использованию его ресурсов, а не к вытеснению одних форм другими.

Список литературы: 1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков.— Л.: Просвещение, 1979.— 258 с. 2. Бондарко А. В., Буланин Л. А. Русский глагол.— Л.: Просвещение, 1967.— 192 с. 3. Кошечая И. Г. Типологические структуры языка.— Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972.— 159 с. 4. Крушельницкая Г. К. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков.— М.: 1961.— 233 с. 5. Тарасова Е. В. Грамматико-лексическое микрополе будущего в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук.— Киев, 1976.— 150 с. 6. Филичева Н. И. Синтаксические поля.— М.: Высш. школа, 1977.— 218 с.

Поступила в редколлегию 31.10.80.

Т. М. ТИМОШЕНКОВА

НОМИНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ МОДЕЛИ $N_1 - V_{\text{cop}} - N_V$ С МОДИФИЦИРОВАННЫМ ИМЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ

Изучение возможной вариативности в рамках тождества модели предусматривает всесторонний анализ структурно-семантических свойств каждого из ее компонентов. В случае номинальной модели $N_1 - V_{\text{cop}} - N_V$ это предикативное имя и связочные глаголы различных типов. В номинальных конструкциях основная смысловая нагрузка лежит на именном компоненте. Его модификации и являются объектом нашего внимания в данной статье.

Модификации именного компонента номинальной модели осуществляются за счет реализации валентностных свойств отглагольного существительного, что существенно обогащает предложение семантически и стилистически и в значительной степени определяет семантическую подвижность модели.

Значение предложения с модифицированным именным компонентом определяется семантикой существительного-предикатива и его модификаторов и тем, насколько каждый из них сохраняет свое первоначальное лексическое значение в данном предложении.

В зависимости от лексической семантики предикатива предложение с одними и теми же модифицирующими компонентами может приобретать различное значение. Ср.: а) "He was a great reader" (Prichard K. Coonardoo.— М.: Progress Publ., 1973, p. 141) (частотность, повторяемость действия); б) "Senor Orozco is the great Mexican painter" (Saroyan W. Selected short stories.— М.: Progress Publ., 1975, p. 346) (высокая качественная оценка выполняемого действия или профессионального уровня субъекта).

Модификации именного компонента могут менять содержание и знак качественной оценки субъекта (+, —). Ср.: а) "The girls said that Piggy was a "spender" (O. Henry. Short stories.— M.: Foreign Lang. Publ. House, 1956, p. 122) (отрицательная характеристика: *мот, расточитель*); б) "Not a bad guy. A free spender" Chase J. H. Figure it out for yourself.— L.: Panther Books, 1967, p. 94) (положительная характеристика: *щедрый человек*).

Модификации именного компонента могут полностью изменять категориальную отнесенность предложения. Семантический сдвиг модели может быть вызван целым рядом причин:

1. Он может определяться лексическим значением детерминирующих элементов или сочетанием смыслов именного компонента и его модификаторов. Ср.: а) "I'm a writer" (Vonnegut K. Cat's cradle.— N. Y.: A Dell Book, 1970, p. 106) (профессиональная принадлежность субъекта); б) "She was no great letter writer" (Sillitoe A. Key to the door.— M.: Progress Publ., 1969, p. 253) (качественная характеристика).

2. Семантический сдвиг модели может быть результатом переосмысления значения предикатива в результате метафорических или метонимических переносов, возникающих при модификации именного компонента. Ср.: а) "He was a sailor" (Wylie J. A. R. The Undefeated.— Ldn.: Pan Books, 1960, p. 142) (профессиональная принадлежность субъекта); б) "I would have been sick and scared, I think, I am no sailor", she said" (Divine D. Thunder on the Chesapeake.— N. Y.: Popular Library, 1961, p. 451) (качественная характеристика субъекта — *человек, плохо переносящий морские поездки*).

3. Семантический сдвиг модели может возникнуть в результате десемантизации предикатива. Ср.: а) "He'd be a beggar if he hadn't taken to collecting the new purchase instalment instead of the old rents" (A Fearless Champion of the Truth George Bernard Shaw.— M.: Progress Publ., 1977, p. 81) (отрицательная качественная характеристика субъекта — *попрошайка, нищий*); б) "Sauvan is a clever beggar" (Wylie J. A. R. Op. cit., p. 267) (положительная качественная характеристика — *умница*). Смысл предложения определяется значением модификатора, так как существительное-предикатив (в значении *парень*) не несет никакой новой информации о субъекте.

Номинальные конструкции нередко допускают более чем одно прочтение. В ряде случаев причины кроются в модификациях именного компонента модели:

1. Модификатор может относиться а) к денотату; б) к сигнификату конструкции: a poor painter — а) a painter who is poor; б) one who paints badly. Такая двусмысленность разрешается контекстом: "He remembered the dreary months of vain yearning, of hunger and privation when he was a poor painter making occasional orders" (Short Story Masterpieces.— N. Y.: Dell Publ. Co., 1962, p. 18); "They might have chosen an ex-service man". "Who might have

been a very poor painter" (Cronin A. J. Thing of Beauty.— N. Y.: Pyramid Books, 1964, p. 253).

2. При модификациях именного компонента могут получать одинаковое оформление атрибутивные и объектные отношения между детерминатом и детерминантом: "Nobody remained in the house but a boy, our Indian helper (Cleaver E. Soul on ice.— N. Y.: A Ramparts Book, 1968, p. 94) (атрибутивные отношения: *помощник — индеец*); "...The new Commissioner of Insurence, Statistics and History has been an old-time Indian fighter and ranger for manу years (O. Henry, p. 89) (объектные отношения: *борец против индейцев*).

Модификации именного компонента модели служат источником выразительных и образных средств и значительно обогащают содержание предложения, позволяя передать целую гамму различных коннотативных оттенков. Стилистический потенциал предложений с модифицированным именным компонентом определяют следующие факторы:

1. Ингерентная экспрессивность модифицирующих элементов, которая усиливается в контексте за счет сочетания смыслов модификаторов и предикативного имени или одновременного употребления нескольких модификаторов, характеризующих субъект с разных сторон. При этом немаловажную роль играет тот факт, что отглагольное существительное может одновременно реализовать свою именную и глагольную валентность.

2. Контекстуальная стилистическая отмеченность модифицированного именного компонента, которая создается: метафорическими переносами, в которых реализуются стилистические возможности косвенной номинации; развернутыми сравнениями, ироническим подтекстом высказывания и т. д.

3. Структура предложения и конфигурация его элементов, которые служат средством эмфатического подчеркивания содержательной стороны компонентов высказывания: различные повторы особенно в сочетании со стилистическим приемом нарастания, обособление или парцелляция модификаторов и т. д.

Never was there a part so deeply written for a woman, as this for you, silly, self-unconscious, will o'the wisp beglamoured child actress as you still are (Shaw B., p. 322).

All your life you have suffered from an overdeveloped sense of justice, all your life you have been a hotly fervent espouser of the cause of all underdogs (Jones J. From Here to Eternity.— Ldn., Glasgow: Fontana Collins, 1975, p. 268).

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что семантическое варьирование номинальной модели $N_1-V_{\text{сop}}-N_v$ в основном обусловливается модификаторами именного компонента, лексическое значение которых определяет коммуникативную значимость предложения.

Поступила в редколлегию 09.10.80

О НЕКОТОРЫХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЯВЛЕНИЯХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ

В наших работах [5; 6] было сформулировано определение прямой речи как особого синтаксического образования. Мы исходим из того, что специфику синтаксических конструкций прямой речи (СКПР) составляет наличие двух текстуально сопряженных предикативных центров, представленных обязательным сочетанием авторского ввода (АВ) и прямого высказывания (ПВ), и особый характер коммуникативности — транскомуникативность, под которой мы понимаем коммуникацию, передающую другую коммуникацию. Именно сочетание этих двух признаков закрепляет за СКПР особое место в синтаксической системе языка.

Конструкции типа *He said, "I know you"* могут рассматриваться как типичные образцы СКПР с четко выраженными компонентами, с ситуативно сдвоенными предикативными центрами и транскомуникативностью. Но вокруг этих конструкций как центра группируются периферийные структуры с не столь ясными, иногда совершенно «размытыми», сходящими на нет признаками. Как справедливо указывает В. Г. Гак, «на каждом уровне и в частке языка следует различать ядерные, типичные элементы и периферийные» [2, с. 25]. Цель данной статьи — описать одну из таких периферийных структур и обосновать ее принадлежность к синтаксической конструкции прямой речи.

В современной художественной литературе встречаются случаи субстантивации прямого высказывания, осуществляемой присущим английскому языку набором средств. В качестве последних выступают функциональные изменения в сочетании с: а) различными предложениями: "...The woman would tiptoe away only to be summoned back by a sensational shout of *"Don't leave me! Why are you all leaving me?"* (Mortimer); *"Whatever it was I replied with "Yes, isn't it?" for I was very proud of my baby's bright hair"* (McDonald); *"Couldn't he pay like a man instead of "Oh, now Mr Henry, I must speak to Mr Fanning. ...I've spent a lot of money"* (Joyce); б) притяжательными местоимениями и существительными в притяжательном падеже*: *"His mother's clasp and her "Yes, darling, there, there!" had stayed his sobbing"* (Galsworthy); *"I heard Dorothy's sharp "Stop it, Susan, don't be a fool"* (Ford); в) указательными словами: *"... Of course, it wasn't true ... but men are never treated in that patronizing "there, there, dearie" way, are they?"* (Burnie); *"I must say all this "Ja, Vater," "Nein, Vater" has been rather getting me down"* (Cusack); г) отрицательным адъективным местоимением: *"In the startled pause that followed Robert was*

* В данном случае они, согласно Р. Якобсону, выступают как шифтеры — сигналы чужого высказывания [7, с. 100].

aware of the fact ... that there was *no* protesting "Mother!" from the daughter" (Tey); д) артиклями: "The triumph of *an* "I told you so" was too cheaply won" (Huxley); "He had accepted immediately ... casually, matter-of-factly, with no more explicit reference to the past than *a* "Yes, it's a long time since I last dined at Number 17" (Huxley); е) морфемой множественного числа: "Mentally we turned the engine-room into the captain's cabin and here was nothing but "Heave-ho-s" and "How does she blow Bill-s", and "Shiver my timber-s", and "Blast my top-light-s" for days to come (Dreiser); "Most especially, Diane for all her "Walls", "You knows", "My Gods" is not the delightful, feather-brained lady she plays in films (Goodman).

Субстантивация прямого высказывания может также осуществляться путем функциональных изменений, как в "You didn't love me" was all she said when she opened her eyes to find him bending over her" (Huxley), где ПВ появляется в позиции подлежащего или в "The glowing morning thought "This is life" had become under Baines's tuition the repugnant memory" (Greene), где ПВ используется в аппозитивной позиции.

Особенно наглядно проявляется субстантивация прямого высказывания, когда оно оказывается в одном ряду с другими однородными членами, выраженными отдельными словами или непредикативными словосочетаниями: "Samtag gave him a noncommittal "Oh, yes?" and a smile" (Graves); "He looks me over: from my skeaky new shoes up the tailored grey slacks, the blue suede jacket, the "Hey, that's one of my good shirts!", the flaunty scarf, kind of padding out of my slender neck, then ... the men's mod wig" (Cosmopolitan, 1973, 5); "My little sister ... has her moments of intelligence," Agape said departing with a hug and a "Goodbye, darling" (Lewis).

Значительный интерес представляет собой тот факт (по нашим наблюдениям, ранее не отмечавшийся), что субстантивации могут подвергаться прямые высказывания, представленные не только словосочетанием или отдельным предложением, но и сложным синтаксическим целым: "The doctor's "Well, how is Granny Tailor his morning? Have you been making your last will?" would falter when he saw her eyes, her intelligence" (Spark); "I don't know why put myself through the anxiety of "Shall I?" "Shan't I?" "And if so, how much?" (Kavangh) или совокупностью самостоятельных предложений: "I tell you he will be on our backs until kingdom come with his "I hate to trouble you" and "Mightn't it be so" and Pethaps you'd care to tell me" (Watson); "But in writing about a pair of lovers who were more antagonists than helpmates one comes up against "Which of the Fitzgeralds can be held more accountable for the wreckage of their lives?" "Which is more selfish?" "Which one was the other's victim?" (Graham).

Как явствует из примеров, оформление синтаксических конструкций с субстантивированными прямыми высказываниями существен-

но отличается от классических конструкций прямой речи. В них нет четкого деления на компоненты, как правило, отсутствует глагол говорения, не всегда имеется эксплицитное указание на говорящего, позиция прямого высказывания более фиксирована. Кроме того, частотность этих структур чрезвычайно низка. Они составляют менее одного процента от общего числа случаев при весьма представительной выборке в 50 тыс. единиц. Неудивительно поэтому, что в трудах, посвященных прямой речи, субстантивированные прямые высказывания не рассматриваются вообще. В работах общего характера они иногда упоминаются вскользь как частный случай конверсии [8, с. 98—96]. На материале русского языка С. Верницкая рассматривает случаи типа *мужественное*: «Ничего, Вера Николаевна» я слышала каждый раз в ответ на свое «Как ты себя чувствуешь?» вместе с другими случаями функционального уподобления, сущность которого заключается в том, что предикативные единицы низводятся до уровня слов — членов предложения [1]. Мы, однако, считаем, что несмотря на отличие подобных структур от типичных моделей синтаксической конструкции прямой речи, обусловленное определенным понижением уровня, частичным низведением их до уровня слов, они сохраняют два текстуально сопряженных предикативных центра и транскоммуникативность, что и удерживает синтаксические образования с субстантивированными прямыми высказываниями в рамках СКПР. То обстоятельство, что при различии в оформлении классические структуры СКПР и периферийные структуры с субстантивированным ПВ характеризуются единым набором признаков (ситуативно сдвоенные предикативные центры, особый характер коммуникативности), свидетельствует о первичности этих признаков, их универсальности для данной формы передачи чужого высказывания.

Наличие подобных явлений увеличивает арсенал аргументов против традиционного толкования прямой речи как сложноподчиненного, сложносочиненного или самостоятельного предложения, осложненного вводом. Polemika вокруг синтаксической конструкции прямой речи не утратила своей остроты, так как в одной из новых работ [3, с. 26] мы снова сталкиваемся с аналогичной трактовкой СКПР.

Анализ структур с субстантивированными прямыми высказываниями показывает, что их можно рассматривать как дополнительное доказательство сформулированного в статье [4, с. 34] тезиса о том, что для периферийных явлений характерно усложнение структуры по сравнению со структурой явлений, относящихся к центру. Если в *He said, "I know that"* все основные параметры СКПР эксплицитно представлены в авторском вводе и в прямом высказывании, то в образованиях типа "*Nevil swept in his dreadful raglan affair over his arm, snatched up the letter and disappeared with a "Tell Aunt Lin I may be late. She asked me over to dinner on Thursday"* (Tey) точка временного отсчета и характер

соотнесенности местоимений с их денотатами определяется не компонентами, эксплицитно указывающими на акт говорения и автора высказывания, но имплицитно представлен в широком контексте. Так, в нашем случае временной план представлен глаголами *disappeared, snatched up, swept in*. Подобные периферийные образования, несмотря на ограниченную частотность, не следует рассматривать как случайные, единичные явления. В их структурной организации можно проследить системные признаки. Как пишут В. Живов и Б. Успенский, «в своем отталкивании от центра языка языковая периферия сама по себе образует определенную систему» [4, с. 28], что в нашем случае указывается последовательным использованием определенного набора средств с помощью которого осуществляется субстантивация прямого высказывания.

Можно предположить, что явления, рассмотренные в данной статье, относятся к «дальней» периферии СКПР, так как в них ПВ приобретает отчетливо субстантивную характеристику, что отличает эти структуры от других форм передачи прямого высказывания. Многочисленные случаи с имплицитными глаголами ввода (типа *smile, frown, rage, exult*) можно по структурным соображениям рассматривать как явления «близкой» периферии.

Рассмотренными случаями не исчерпывается периферия синтаксической конструкции прямой речи. Вероятно, в порядке постановки проблемы можно говорить о существовании поля передачи чужого (по терминологии Л. Блумфилда, «перемещенного») высказывания. Углубленное исследование этого поля и составляющих его микрополей, таких как микрополя косвенной, прямой, свободной прямой, несобственно-прямой, тематической речи, микрополя структур с раздельным авторским вводом, будет соответствовать адекватному описанию этого сложного и широко распространенного явления, которое, по оценке Р. Якобсона, является «кардинальной проблемой языкознания и стилистики» [8, с. 98]. Всестороннее освещение и истолкование сложнейшей проблемы передачи чужого высказывания, во многом еще не изученной, требует совместных усилий специалистов в области семантики, грамматики и стилистики.

Список литературы: 1. Верницкая С. Г. Предложения с предикативными единицами, выполняющими функции членов предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1969. — 28 с. 2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. — М.: Высш. школа, 1979. — 304 с. 3. Дарканбаева И. Т. Синтаксис прямой, косвенной и несобственно-прямой речи в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1980. — 28 с. 4. Живов В. М., Успенский Б. А. Центр и периферия в свете языковых универсалий. — *Вопр. языкознания*, 1973, № 5, с. 24—36. 5. Муха Р. Г., Хаймович Б. С. Предикативна і комунікативна характеристика прямої мови. — *Вісн. Харк. ун-ту*, № 98. Іноз. мови, 1973, вип. 6, с. 45—49. 6. Ткаченко Р. Г. Синтаксические конструкции прямой речи в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1978. — 28 с. 7. Якобсон Р.

Шифтеры, глагольные категории и русский глагол.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя.— М.: Наука, 1972, с. 95—114. 8. *Rayevskaya N. M. Modern English grammar*.— Kiev, 1976.— 304 p.

Поступила в редколлегию 05.11.80

В. В. ХИМЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ СТРУКТУРНО-ВЕРОЯТНОСТНОГО АНАЛИЗА ИНДУКТИВНЫХ НЕМОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРЕХ ПОДЪЯЗЫКОВ)

Вопросы, связанные с теорией валентности, привлекают внимание многих лингвистов. В последнее время сфера изысканий заметно расширилась, в частности, в связи с развитием машинного перевода. Проблемы валентности нашли свое отражение в трудах советских ученых С. Д. Кацнельсона, В. Г. Адмони, Н. Д. Андреева, М. Д. Степановой и др. Целый ряд работ посвящен вопросам лексико-синтаксической валентности, предполагающей изучение взаимодействия некоторых ограниченных лексических групп с члстично ограниченными синтаксическими единицами в различных языках. Проведено большое количество исследований и опубликованы интересные результаты по сочетаемости отдельных частей речи, в том числе глаголов. Именно глагольная сочетаемость составляет неотъемлемую часть предложения, способна передавать отношение говорящего к действительности, на ней лежит основная коммуникативная нагрузка.

Валентность единиц английского языка рассматривалась в различных аспектах: в связи с лексико-синтаксической классификацией глаголов, количественно-валентностными связями, наличием обязательной и факультативной валентности и т. п.

Одним из важных, но не полностью разработанных вопросов является сопоставительное изучение валентности по подъязыкам, ибо в сфере деятельности человека «...возникают определенные соотношения между происходящими в данной сфере процессами и речевой информацией о них» [1]. Развитие теории подъязыков относится к числу актуальных задач языкознания. В данной статье рассматривается глагольная индуктивность [2], т. е. сочетаемость Verb + Infinitive (V + Inf). Такой глагол, вслед за Н. Д. Андреевым, мы называем индуктивным, а способность глагола сочетаться с инфинитивом — индуктивностью. При этом исключаются случаи комментативности, когда глагол может присоединять инфинитив в функции обстоятельства цели. На это указывал В. К. Орехов [6], который исследовал индуктивность английских глаголов на материале подъязыка художественной прозы и выявил круг индуктивных глаголов, а также выделил семантические и градуальные классы.

Вопросы индуктивности были предметом научного анализа во

французском, немецком, шведском и английском языках [3—6], но только на материале одного подъязыка — художественной прозы.

Объектом нашего исследования являются индуктивные немодальные глаголы в личной форме активного залога изъявительного наклонения в трех подъязыках. Их изучение в системе отдельных глаголов представляется целесообразным, поскольку результаты можно сопоставить с характеристиками, полученными в других семантических системах и уровнях: семантических классов, подъязыков и языка, под которым мы понимаем сумму исследуемых подъязыков.

Основная цель работы — рассмотреть валентностные семантико-синтаксические характеристики данных глаголов в трех подъязыках: диалога (Д), политической хроники (ПХ) и электроники и радиофизики (ЭР). При этом производилась соответствующая формализация с применением структурно-вероятностного анализа. Под валентностью в структурно-вероятностном анализе «...понимается не любая потенциальная комбинаторика двух элементов языка, а лишь избирательная их сочетаемость, т. е. существенно отклоняющаяся от фоновой либо в сторону превышения над последней, либо в сторону недостаточности по сравнению со средней величиной» [2]. Были обследованы в синхронном плане сплошные текстовые массивы художественной прозы и драмы с выделением диалогической речи (использовано 60 произведений современных английских и американских писателей), тексты газет «Morning Star», «Daily World», «People's World» за 1972—1980 гг. и английские и американские научные журналы по электронике и радиофизике за 1960—1980 гг. (всего около 20 наименований).

На первом этапе были сделаны выборки по 2 тыс. примеров на каждый подъязык и составлены частотные микрословари с целью определения наиболее употребительных глаголов. Для определения достоверности выборки изучаемых конфигурационных пар был применен аппарат математического исследования, т. е. определены значения относительного квадратического отклонения (ОКО). Однако с хорошей оценкой достоверности было получено незначительное количество конфигурационных пар ($V + Inf$), поэтому общий объем выборок был увеличен в 2,5 раза. В результате общая выборочная совокупность составила 15 тыс. примеров (по 5 тыс. в каждом подъязыке). Рассмотрено 10 выборок по 500 конфигурационных пар. После двойного усреднения, позволившего нейтрализовать стилистические особенности отдельных авторов, каждая выборка была разобрана по отдельным глаголам первых компонентов. Это дало возможность составить частотные микрословари. Для каждого индуктивного глагола была вычислена независимая вероятность (НВ) данной валентности отдельно для каждого подъязыка. Найдено также абсолютное квадратическое отклонение (АКО) и относительное квадратическое отклонение (ОКО) (см. методику расчета в статье [4]). Обследованный текстовой мас-

сив сведен в три микрочастотных словаря, включающих 70 глаголов в подязыке ПХ, 58 — в Д и 44 — в ЭР.

Выделены три класса индуктивных глаголов в каждом подязыке. В I класс сильной индуктивности вошли 24 глагола (ОКО от 3 до 13%: а) в подязыке Д — want, try, seem, mean, happen, begin; б) в подязыке ПХ — try, refuse, want, continue, agree, seem, begin, decide, intend, plan; в) в подязыке ЭР — appear, seem, tend, begin, prove, continue, attempt, wish; Во II класс средней индуктивности вошли 22 глагола (ОКО 13—25%): а) в подязыке Д — wish, refuse, decide, plan, start, promise, manage, hate; б) в подязыке ПХ — help, manage, fail, seek, attempt, hope, threaten, promise, claim; в) в подязыке ЭР — remain, choose, start, turn, out, seek. В III класс слабой индуктивности вошли 46 глаголов (ОКО от 25 до 50%): а) в подязыке Д — bother, expect, intend, appear, continue, forget, agree, learn, threaten, prefer, hope, care, offer, pretend, ask, choose, propose, fail, promise, manage, hate; б) в подязыке ПХ — tend, aim, appear, start, offer, pledge, prepare, cease, propose, like, decline, choose, demand; в) в подязыке ЭР — fail, want, prefer, manage, help, decide, proceed, expect, happen, hope, propose, aim. Глаголы, ОКО которых превышает 50%, отнесены в разряд «прочих» и будут рассмотрены на иллюстративном уровне. В табл. 1 приведены по 10 наиболее частотных индуктивных глаголов.

Таблица 1

и/яз			Д			ПХ			ЭР		
глагол	$\bar{x} \pm \text{АКО}$	ОКО, %	глагол	$\bar{x} \pm \text{АКО}$	ОКО, %	глагол	$\bar{x} \pm \text{АКО}$	ОКО, %	глагол	$\bar{x} \pm \text{АКО}$	ОКО, %
want	119±6,11	5	try	61±2,86	5	appear	132±3,36	3			
seem	84±5,96	5	refuse	53±3,89	7	seem	99±3,04	3			
try	69±3,47	7	continue	45±4,24	9	tend	74±3,82	5			
begin	22±2,16	9	decide	43±3,58	13	begin	34±2,53	7			
happen	21±1,98	9	want	33±2,58	8	continue	26±2,02	8			
like	20±2,21	11	agree	25±2,39	9	attempt	18±2,06	11			
mean	19±1,36	7	fail	25±4,78	18	prove	16±1,07	7			
wish	12±1,91	15	begin	20±2,45	12	wish	16±1,96	12			
intend	10±3,06	28	seem	18±2,04	11	turn out	9±2,12	24			
decide	10±1,93	19	intend	16±2,19	13	remain	9±1,24	14			

Первичное сравнение данных в табл. 1 указывает на различие и количественных и вытекающих из них качественных характеристик. Общие для всех трех подязыков только глаголы seem и begin и, следовательно, можно сказать, что seem и begin обладают общим вероятностным признаком (ОВП) исследуемых подязыков при разной категориальной мере. При дальнейшем рассмотрении обнаружен целый ряд различий. Глаголы happen, like, mean характерны для Д; refuse, agree — для ПХ; appear, tend, prove,

turn, out, remain — для ЭР. Таким образом, они представляют вероятностный дифференциальный признак (ВДП) данных подъязыков.

Следующий этап — изучение конфигурационных пар (V + Inf). Первым компонентом являются наиболее частотные глаголы, которые мы считаем опорными: want, try, seem, mean, happen, begin, like (Д); try, refuse, want, continue, agree, seem (ПХ); appear, seem, tend, begin, prove, continue, wish (ЭР). На основании полученных количественных данных была найдена условная вероятность (УВ) — вероятность, связанная с накладываемым условием, т. е. реализация активновалентного глагола с пассивновалентным определенной семантики и ее ОКО. Для определения меры индуктивности применялся аппарат вычисления значений коррелятивной функции (КФ), ее ОКО, интервал вариации КФ (ИВ КФ). Нейтральная зона была установлена эмпирически, а именно: верхняя граница — 1,25, нижняя — 0,80. В зоне положительной специфичности оказались семь наиболее стабильных, постоянно функционирующих в речи комплексов: 1) happen to be (ИВ КФ — $10,08 \div 5,92$); mean to say (ИВ КФ — $8,82 \div 5,18$); seem to be (ИВ КФ — $2,24 \div 1,76$) в подъязыке Д; 2) seem to be (ИВ КФ — $10,11 \div 4,55$); want to see (ИВ КФ — $4,65 \div 2,35$) в подъязыке ПХ; 3) prove to be (ИВ КФ — $36,34 \div 26,86$); seem to be (ИВ КФ — $3,03 \div 2,53$); appear to be (ИВ КФ — $2,65 \div 2,18$); begin to increase (ИВ КФ — $2,66 \div 1,54$) в подъязыке ЭР.

Табл. 2 иллюстрирует зональное распределение конфигурационных пар (V + Inf) по подъязыкам. Из данных табл. 2 следует, что единственное сочетание — seem to be — характерно для всех трех подъязыков, оно является ОВП. Остальные пары свойственны только определенным подъязыкам — это ВДП исследуемых подъязыков.

Таблица 2

V + I	seem to be	appear to be	happen to be	prove to be	mean to say	want to see	begin to increase
Д	+	—	+	—	+	—	—
ПХ	+	—	—	—	—	+	—
ЭР	+	+	—	+	—	—	+

Основные результаты анализа конкретных глаголов можно кратко изложить в следующих выводах:

1. Исследуемые конфигурации имеют категориальную меру представленности, которая колеблется от подъязыка к подъязыку.

2. Сдвиги по категориальной мере указывают на специфику подъязыков, что является следствием влияния экстралингвистических факторов.

3. Обнаружена сильная избирательная сочетаемость инфинитива to be с глаголами «кажмости» seem, happen, appear, prove.

Полученные характеристики дают возможность выделить и исследовать семантические классы активновалентных (V) глаголов и пассивновалентных (I) глаголов и проследить их сочетаемость на уровне подязыков.

Список литературы: 1. Андреев Н. Д. Отражательная функция языка и социологический базис структурно-вероятностного анализа.— Учен. записки ГГПИИЯ. Горький, 1971, вып. 47, с. 40. 2. Андреев Н. Д. Структурно-вероятностная типология отношений между семантикой слова и его грамматическими категориями.— В кн.: Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М., 1975, с. 82. 3. Ковязин Б. Г. Лексико-синтаксические валентности глагольного управления инфинитивом в современном шведском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Л., 1977.— 25 с. 4. Кучинский Б. В. Некоторые характеристики индуктивных глаголов современного немецкого языка.— В кн.: Лингвистические исследования. Киев, 1974, с. 79—83. 5. Морскова В. А. Вероятностная структурная дистрибуция элементов аналитических глагольных конструкций в современном французском языке.— Вopr. прикл. лингвистики. Днепропетровск, 1971, вып. 3, с. 19—24. 6. Орехов В. К. Об индуктивности немодальных глаголов в современном английском языке.— В кн.: Лингвистические исследования. Киев, 1974, с. 30.

Поступила в редколлегию 10.10.80

Ж. Ф. ЯЦЕВИЧ

СТРУКТУРНО-ВЕРОЯТНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Объектом нашего исследования являются подязыковые системы суффиксальных и префиксальных формантов (ССФ и ПСФ) современного английского языка. Мы предприняли попытку изучить ССФ и ПСФ со стороны их системных отношений с использованием одного из методов качественно-количественного рассмотрения, а именно, структурно-вероятностного анализа (СВА) [1]. Исследование проведено в синхронном плане на материале пяти подязыков: прозы (П) (авторское повествование), драмы (Д) (диалог), спортивной хроники (С), общественно-политической хроники (Х) и математики (М), представляющих соответственно три стиля: литературно-художественный, газетно-публицистический и научную прозу.

Для получения статистических и структурно-вероятностных характеристик были использованы тексты современных английских и американских писателей, научные математические журналы и монографии и газета «Morning Star». При этом мы ставили цель вскрыть количественные признаки с определенной степенью достоверности, обеспечивающей 95%-ную надежность лингвистического исследования. Подязыковые инварианты систем ССФ и ПСФ были

представлены 10 выборочными долями каждая, полученными при обследовании 10 отрывков текстов разных авторов объемом 500 знаменательных словоформ каждый, что считается достаточным для получения надежных лингвистических данных [2]. На основе составленных из 10 долей таблиц подязыковых систем ССФ и ПСФ были вычислены средние частоты формантов ($\bar{x}$) и ошибки при их наблюдении (АКО — абсолютное квадратическое отклонение и ОКО — относительное квадратическое отклонение, в %).

Задачей настоящего статистического обследования является, во-первых, определение наборов ССФ и ПСФ, функционирующих в исследуемых подязыках, и удельного веса содержащих эти форманты суффиксальных и префиксальных производных (СП и ПП) в речевом потоке знаменательных словоформ (ЗС), во-вторых, изучение количественных внутрисистемных отношений формантов и, наконец, корреляция общих для пяти подязыков формантов на фоне английского языка как целого. При этом были использованы достижения структурной лингвистики в изучении подязыков в целом и подязыкового словообразования, в частности. Внимание, однако, концентрировалось на выявлении специфического в сфере лексики (терминологические словари), грамматики (набор типичных грамматических структур), а также греческо-латинских элементов в научной прозе. Существует ряд работ, рассматривающих структурно-вероятностные характеристики индивидуальных формантов и определенных групп формантов в различных подязыках [например, 3; 4]. Данная статья содержит результаты структурно-вероятностного анализа подязыковых систем словообразовательных формантов в целом и элементов, общих для них.

На первом этапе была определена представленность ССФ и ПСФ в разных подязыках английского языка на парадигматической и синтагматической осях. Статистическое обследование показало, что в структурном отношении подязыковые системы ССФ и ПСФ — это неконгруэнтные множества, имеющие в своей общей части не менее 50 % формантов (25 ССФ и 18 ПСФ), что удерживает подязыковые инварианты в единой словообразовательной системе английского языка. Функционирование подязыковых наборов ССФ и ПСФ в речи было рассмотрено на текстовом массиве в 5 тыс. ЗС для каждого подязыка и выражено как средняя частота ($\bar{x}$) появления произвольных формантов в отрывке текста длиной 500 ЗС и как удельный вес производных, образованных ими (табл. 1).

Из данных табл. 1 следует, что отдельные подязыки и стили, представляемые ими, маркированы определенным удельным весом суффиксальных и префиксальных производных и что существует различная степень расхождений подязыков по этому параметру. Приняв общезыковую меру представленности формантов за точку отсчета, мы можем объективно выделить подязыки с низким удельным весом СП и ПП (подязыковая мера не меньше чем в 1,5 раза ниже общезыковой) — драма и проза, с высоким — математика (подязыковая мера превышает общезыковую не менее чем

Таблица 1. Представленность ССФ и ПСФ в разных подъязыках английского языка

Подъязык	Количество- ственный набор ССФ	$\bar{x}$ для ССФ	Количество СП, %	Количество- венный набор ПСФ	$\bar{x}$ для ПСФ	Количество ПП, %
Д	45	53,5	10,7	24	19,7	3,94
П	45	51,6	10,32	24	21,9	4,38
С	44	73,2	14,66	28	38,8	7,7
Х	49	146,1	29,2	31	77,1	15,42
М	50	179,2	35,84	35	132,9	26,58
Язык как целое	60	100,74	20,14	39	58,07	11,61

в 1,5 раза), с нейтральным — спорт и хроника (их мера представленности формантов лежит в интервале отклонения от общезыковой 0,66—1,5). Максимальное различие между низкой представленностью словообразовательных формантов в подъязыках драмы и прозы и высокой в подъязыке математики может служить своеобразным измерителем оппозиции между «художественностью» и «научностью» прозы.

Следует отметить, что при доминирующей роли суффиксального словопроизводства во всех исследуемых подъязыках соотношение между представленностью ПСФ и ССФ варьируется от подъязыка драмы к подъязыку математики, что отражено в табл. 2.

Как видно из табл. 2, разрыв в пропорциях между представленностью ПСФ и ССФ максимален в подъязыке драмы и минимален в подъязыке математики.

Сдвиг в соотношении между ПСФ и ССФ в 2 раза в пользу ПСФ в подъязыке математики может рассматриваться как структурно-вероятностная особенность последнего.

Следующим этапом было изучение внутрисистемных отношений словообразовательных формантов в исследуемых подъязыках. Выборочное обследование текстов вскрыло статистическую маркированность и неравнозначность функционирования индивидуальных элементов подъязыковых систем ССФ и ПСФ, разрушив таким образом их языковую линейность. В каждом подъязыке мы исключили из анализа низкочастотные и статистически ненадежные элементы, сугубо периферийные по своей роли, и рассматривали 50%-ное верхнесуммовое подмножество (ВСМ) наиболее устойчивых

Таблица 2. Сравнение представленности ПСФ и ССФ в разных подъязыках английского языка

Подъязык	$\bar{x}$ для ПСФ	$\bar{x}$ для ССФ
Д	0,36	1
П	0,42	1
С	0,52	1
Х	0,53	1
М	0,74	1
Язык как целое	0,51	1

Таблица 3. Наиболее репрезентативные ССФ в разных подъязыках английского языка

Д			П			С			Х			М		
ССФ	$\bar{x}$	ОКО, %	ССФ	$\bar{x}$	ОКО, %	ССФ	$\bar{x}$	ОКО, %	ССФ	$\bar{x}$	ОКО, %	ССФ	$\bar{x}$	ОКО, %
-er	5,4	29	-ly	11,1	36	-er	11,5	45	-tion	20,2	16	-tion	32	17
-ly	4,8	33	-er	4,9	30	-tion	6,5	23	-er	15,8	20	-al	17,9	17
-tion	3,8	54	-tion	3,8	55	-ly	6,1	28	-al	13,9	17	-ly	14,1	23
-al	2,8	68	-y (adj)	2,7	63	-al	5,4	19	-y (n)	9,1	31	-er	11,6	31

Таблица 4. Наиболее репрезентативные ПСФ в разных подъязыках английского языка

Д			П			С			Х			М		
ПСФ	$\bar{x}$	ОКО, %	ПСФ	$\bar{x}$	ОКО, %	ПСФ	$\bar{x}$	ОКО, %	ПСФ	$\bar{x}$	ОКО, %	ПСФ	$\bar{x}$	ОКО, %
com-	1,8	42	re-	2,8	57	re-	7,6	26	com-	11,9	18	com-	29,6	7,8
ad-	1,8	77	ad-	2,6	55	ad-	5,2	75	re-	11,9	29	de-	12,6	14
in (в)	1,8	84	a-	2,2	79	com	4,2	44	de-	8,8	10	re-	11,4	21
ex-	1,7	70	com-	1,6	81	de-	3,2	42	ad-	8,2	32	sub-	10,6	24

Таблица 5. Подязыковые наборы минус- и плюс- специфичных ССФ

Д		П		С		Х		М	
ССФ	ИВКФ	ССФ	ИВКФ	ССФ	ИВКФ	ССФ	ИВКФ	ССФ	ИВКФ
-able	0,45—0,06	-y (n)	0,22—0,02	-tion	0,66—0,34	-al	2,23—1,29	-tion	3,02—1,78
-tictn	0,47—0,10	-al	0,53—0,09	-able	0,7—0,22	-cy	5,0—2,14	-al	2,92—1,68
-al	0,59—0,11	-tictn	0,35—0,05	-or	0,7—0,06			-ty (n)	2,56—1,44
-ance	0,54—0,04	-ty (n)	0,53—0,09					-ance	3,15—1,45
-or	0,59—0,04	-an	0,65—0,03					-ant	3,02—1,78
-ant	0,71—0,22	-ive	0,64—0,05					-ary	3,45—1,35
-er	0,78—0,32	-er	0,71—0,29					-ar	4,64—1,56
-y (n)	0,79—0,11							-ate	3,55—1,25
								-ite	5,54—1,26

Таблица 6. Подязыковые наборы минус- и плюс- специфичных ПСФ

Д		П		С		М	
ПСФ	ИВКФ	ПСФ	ИВКФ	ПСФ	ИВКФ	ПСФ	ИВКФ
com-	0,27—0,09	com-	0,33—0,05	in- (не)	0,47—0,01	com-	3,56—2,63
re-	0,38—0,06	de-	0,54—0,02	com	0,13—0,07	non-	7,42—1,98
de-	0,4—0,06	ob-	0,55—0,03	dis-	0,77—0,15	de-	2,42—1,68
in- (не)	0,64—0,02	ex-	0,62—0,06	sub-	0,75—0,15	ex-	2,71—1,62
sub-	0,52—0,06	re-	0,67—0,15			dis-	3,39—1,53
ad-	0,71—0,02					in- (не)	4,17—2,53
						sub-	4,48—2,52

формантов. Из их числа мы выделили те, которые характеризуются наибольшими значениями ОКО (табл. 3, 4).

Приведенные в табл. 3, 4 наиболее репрезентативные форманты образуют значительную долю производных слов: в драме — 31% СП и 36% ПП, в прозе — 41% СП и 43% ПП, в спортивной хронике — 40% СП и 52% ПП, в общественно-политической хронике — 45% СП и 55% ПП, в математике — 42% СП и 48% ПП, составляя ядро аффиксальной словообразовательной системы в каждом подязыке. Как видно из табл. 3, 4, ядерные словообразовательные форманты исследуемых подязыков имеют не менее половины общих элементов, включая обязательно первые по частотности в английском языке форманты *com-* и *-tion*, и характеризуются индивидуальной вероятностью появления в тексте, представляя таким образом структурно-вероятностные варианты ядра словообразовательных формантов английского языка как целого [5].

Изучая в дальнейшем меру представленности общих для всех исследуемых подязыков формантов с помощью коррелятивного анализа, мы определили положительную или отрицательную специфичность отдельных формантов к подязыкам по данным коррелятивных функций (КФ). Нейтральная зона была установлена эмпирически в интервале вариаций $KФ = 0,8 \div 1,25$ (табл. 5, 6).

Данные табл. 5, 6 свидетельствуют о том, что наибольшее число формантов проявляет минус-специфичность к подязыку художественной литературы, тогда как в подязыке математики мы находим наибольшее количество плюс-специфичных формантов, что является еще одним структурно-вероятностным различием между этими подязыками и стилями, которые они представляют.

Таким образом, метод СВА позволил установить, что на уровне аффиксального словообразования подязыки характеризуются не только различием отдельных структурных элементов, но и рядом других структурных и вероятностных дифференциальных признаков: а) удельным весом суффиксальных и префиксальных производных, представляющих ССФ и ПСФ в речи; б) структурной и вероятностной реализацией ядерных формантов; в) положительной или отрицательной избирательностью индивидуальных формантов к подязыкам.

Список литературы: 1. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. — Л.: Наука, 1967. — 403 с.
2. Головин Б. Н. Язык и статистика. — М.: Просвещение, 1971. — 190 с.
3. Капканец М. П. Отбор и функционирование именных формантов в подязыках художественной и научно-технической прозы. — В кн.: Структурно-вероятностный анализ языка по данным речи. Харьков, 1979, с. 146—151.
4. Сунгуров Ш. А. Структурно-вероятностный анализ именных словообразовательных формантов: Дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1975. — 150 с.
5. Яцевич Ж. Ф. Некоторые структурно-вероятностные характеристики системы словообразовательных формантов подязыка математики. — Вестн. Харьк. ун-та Иностр. языки, 1981, вып. 14,

Поступила в редколлегию 06.11.80

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Н. Н. ГУЛЬ

ДИСКУРСИВНЫЕ ТЕКСТЫ КАК РЕЧЕВОЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РИТМИЧЕСКИМ ОСОБЕННОСТЯМ АНГЛИЙСКОЙ НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Критический анализ упражнений по ритмике английской речи в известных нам учебниках и пособиях для языковых вузов позволяет выделить характерные черты используемого речевого материала. При его подборе внимание авторов сосредоточено на изолированных ритмических группах, и только в редких случаях [1; 14] предусматривается обработка более крупных ритмических единиц — ритмофраз. Выбор ритмических моделей представляется произвольным, поскольку не учитывается параметр частотности в речи и психолингвистические особенности усвоения материала. Такой подход приводит, например, к тому, что во многих упражнениях в качестве исходной служит модель типа □ □ [1; 6 и др.], обладающая низкой частотностью и в то же время неоправданно трудная для воспроизведения.

Лексическое содержание используемых моделей не отражает тематику устной речи для первого и второго курса. Так, вместо речевых клише *I think, you know, you see, it's nice* и др. при обработке ритмической модели □ □ предлагаются словосочетания типа *and dogs, he's gone*. В речевой практике для модели □ □, конечно, более типично лексическое наполнение с использованием речевых клише *that's right, that's nice, why not* и пр., чем *black cats, straw hats* и подобных словосочетаний, которыми изобилуют многие упражнения.

Все перечисленные черты рекомендуемого пособиями речевого материала следует связать с недостатками, возникающими как следствие распространенной методической концепции, которая состоит в преувеличении значения структурного аспекта при обучении интонации. В результате и ее компонент — ритм — изучается *per se*, в отрыве от его функций в речи. Нельзя также согласиться с фактическим положением, когда речевой материал упражнений в основном представлен словосочетаниями или предложениями из книжно-письменных текстов [1; 6; 14]. Бесспорно, устная речь проявляет себя в любом виде речевой деятельности, в том числе и письменной, и составляет ее основу. И тем не менее нам представляется неправильным использование книжно-письменных текстов при обучении просодическим средствам, в частности ритму. Дело не только в том, что ритм имеет физиологические закономерности, регулирующие его реализацию. Ориентация на книжно-письменные источники приводит к тому, что любое нарушение непрерывного слитного потока речи обучаемого оценивается как отрицатель-

ное явление. В результате речь студентов производит впечатление неестественности, книжности, что особенно сильно проявляется в неподготовленных высказываниях, снижая их коммуникативность.

Неестественность, неадекватность ситуации общения обнаруживают себя и в используемых обучаемыми просодических средствах оформления речи. Ориентация на письменную речь с ее непрерывностью и строгой линейностью вырабатывает фонетический стиль чтения с его ровным непрерывным фонационным потоком. Обучаемые обнаруживают неспособность установить ритмический импульс с первых же слогов высказывания, соотносить паузы с ритмом, восстановить его после очевидного разрыва. Заученные декомпрессированные формы, как следствие неправильной ориентации на книжные источники, вызывают вялость ритмики, усиливают эффект неестественности.

В большинстве традиционных лабораторных работ присутствуют только эталонные формы произношения. Проф. М. В. Ляховицкий совершенно справедливо отмечает, что существующий уровень методического знания в области звукозаписи уже позволяет улучшить обучение средствам редукции речевого сигнала, ритмическим средствам за счет насыщения учебного материала компрессированными формами естественно звучащей речи [11].

Мы полагаем, что обучение студентов фонетическим закономерностям развертывания неподготовленной речи, в том числе ритмике, на образцах аутентичной неподготовленной английской речи позволит ограничить проявление отмеченных фонетических недостатков. Такие «заготовки» для обучения темпоральным особенностям развертывания английского устного текста были получены нами в апреле — мае 1980 г. в результате студийной записи пятнадцати неподготовленных высказываний, произнесенных в форме монолога информантом — носителем литературной произносительной нормы английского языка. Высказывания представляли собой обширные (объемом до 20 синтагм) реплики на специально подобранные вопросы на английском языке, например: «Что вы можете сказать о своем родном городе?»; «Что вам больше всего понравилось в Москве?»; «Как вы готовите свои любимые блюда?» и др.

Подготовка предполагала охват наиболее типичных узуальных ситуаций, возникающих в процессе общения между носителями русского и английского языков при обмене мнениями по интересующим обе стороны вопросам.

Полученные высказывания обладают информативным характером. Эксплицитно сформированная в виде вопроса тема определила композицию текстов как естественное повествование с уместными вкраплениями описания и аргументации. Каждый текст подчинен одному мотиву и по этому показателю может быть признан дискурсивным [12].

Индивидуальность говорящего определяет большую вариативность высказываний; в нашем случае в результате подбора вопро-

сов и обсуждения цели работы с информантом тексты соответствуют типичным образцам монологической речи в рядовой ситуации общения. Их вариативность ограничивается сходным интеллектуальным уровнем собеседников, возрастом и той особой ритуальностью построения устного высказывания, которая непременно наблюдается в любом общении и характеризуется, например при обмене мнениями, наличием описаний, оценок событий и явлений, аргументации. Указанным текстам свойственны и такие лингвистические особенности неподготовленной речи, как вводность, коннекторы, анафорическое употребление местоимений, просодическое оформление разрывов речевой цепи. Присутствие в рассматриваемых монологических текстах общих черт, несмотря на большую вариативность, дает основание считать их типовыми [10]. Они сохраняют признаки монологической устной неподготовленной речи. Организованная во время записи относительная независимость от собеседника находит выражение в связном построении полученных нами монологов. В этом большую роль играют ритмико-интонационные средства.

Каждый текст воспринимается прежде всего как линейная последовательность фонаций и пауз [9]. Минимальные непрерывные фонационные отрезки (ритмогруппы) сливаются в более длинные (ритмофразы), совпадающие с границами синтагм; ритмические группы образуют произносительные единицы, формирующие ритмическую картину текста. Проведенный нами анализ определил наиболее частотные ритмофразы.

Среди фраз, состоящих из двух групп, нами отмечены как типичные следующие комплексы: □□□□ (it always seems, interesting time); □□□□□□ (a sort of light effect); □□□□□ (it's quiet and empty); □□□□□□ (with some work to be done). Из трех группных ритмофраз в монологической английской речи регулярно повторяются: □□□□□□□ (but the most important thing; □□□□□□□ (it depends on the point of view); □□□□□□□□□ (doing French and Italian mainly). Из фраз, в состав которых входят четыре группы, следует выделить такие характерные: □□□□□□□□□□ (Maybe watch the television news, you, know). □□□□□□□□□□ (usually start teaching about nine o'clock); □□□□□□□□□□ (University seems quite far away). Фразы из пяти—семи ритмогрупп встречаются реже: □□□□□□□□□□□□□□ (and they don't really like to leave the house unoccupied); □□□□□□□□□□□□□□ (but the most important thing about Abesdeen University); □□□□□□□□□□ (It's just my sister that's there these days).

Как следствие логико-синтаксических особенностей спонтанной речи (наращивание фактологической цепочки, реверсивные явления и др.) ритмофразы образуют обширные сверхфразовые единства, в которых количество ударных элементов зачастую больше указанного [7] в несколько раз. Например: On holiday, one summer, we were camping, of course, er, and had been to Italy and, er, back to France and, at the border, we had an awful lot of trouble

finding the passport and this and that... (в параграфе пятьдесят ударных слогов).

Следует также отметить, что при передаче неподготовленного монологического высказывания наблюдается увеличение числа безударных слогов в начале ритмофраз вследствие более активного употребления, по сравнению с книжно-письменной речью, коннекторов *and, so* и вводного *well: well, as for sort of reading...; so there were just the six of us...* На примере наиболее употребительных ритмофраз наглядно видна распространенность в них ритмических групп с одним-двумя слогами в междударном интервале. Преобладание в неподготовленной речи структур с небольшим количеством слогов следует рассматривать как функциональную особенность речевого ритма. Приведем пример. Две пары ("а" — "б" "в" — "г") высказываний, адекватных в смысловом отношении, были предъявлены информанту — носителю с предложением выбрать чаще употребляемые варианты: а) *I shall go and tell them*; б) *I'll go and tell them*; в) *Really, that's pretty hard*; г) *That's really pretty hard*. Предпочтение было отдано вариантам «б», «г» с более совершенной ритмической структурой. Нами предложена определенная последовательность операций, которая приводит к аналогичному результату. На уровне глубинных структур по плану коммуникативного замысла выбираются «смыслы», при реализации маркируемые фразовыми ударениями. Этот процесс, очевидно, имеет несколько вероятных форм, отличающихся ритмической организацией, которая определяется особенностями индивида — степенью развития механизмов речи, культурой речи, образованием; выбирается вариант с более совершенной ритмической структурой.

По-видимому, требование ритмической корректировки реализуемого устного текста составляет особенность узуальных норм речевой ритмики и формируется механизмами контроля за просодическим оформлением. Ритмическая пульсация, устанавливаемая говорящим на первых слогах английского текста, способствует связности последнего; в то же время необратимость неподготовленного высказывания приводит к частным разрывам речевой цепи и к перебоям в ритме. Это подтверждается следующими наблюдениями. Было проанализировано 301 предложение, из них разрыв отмечен в 107, т. е. в 33,5%. Разрывы маркируются паузами — хезатациями — и возникают, например, в результате фальстартов (*well, he ... after about half an hour he started*) и при корректировке речевой программы (*and then I sa ... I realized that it was about time I was making my way home; Anyway, he ... one of his sisters got married ...*).

Регулярно (в 26,5% всех случаев разрыва) наблюдаются паузы после союза *and* перед присоединительной конструкцией, например: *and, er, this attracted my attention...; and, er, she thought...* Точки неопределенности, отмеченные паузами, могут также иметь место между определяемым и определителем (*It was my*

first, er, skiing holiday...; and were greeted by a sort of rather alarmed, er, representative...); перед дополнением (We, we saw, er, television ...); перед предикативными комплиментом (a family which was ... really quite well todo ... ; So by the third day the snow had got, well, terribly hard); между предикативными единицами (Well, I was there on Christmas Day instead of, er, bieng with my family ...); перед обстоятельствами образа действия (We got him that also, er, by sheer stroke of luck...); между артиклем и существительным (But eventually I, telephoned the, er, Victoria, Albert Museum); между частицей и инфинитивом (So we had to, well, soak it. And I didn't want to go back).

Разрывы наблюдаются и в результате осуществления контакто-устанавливающей функции монологической речи, поскольку, согласно теории общения, все разновидности интеркоммуникации являются диалогическими [10] и учет собеседника находит выражение в таких речевых клише, как *you know, as it always is, you see, as you may know*, выполняющих настраивающе-контактирующую роль [5].

Паузы-хезитации в некоторых случаях (13,2%) заполняются словами *well, actually, right, just, now then*. При обучении устной речи, особенно на начальном этапе, следует обучать приемам заполнения пауз, поскольку в условиях языкового дефицита возникает большое количество незаполненных длительных пауз, снижающих коммуникативность речи обучаемых.

Итак, ритмический импульс нарушается паузами. Для связности устного ритма он должен быть восстановлен. Этот процесс представляет большую трудность для обучаемых. Имеется, однако, возможность облегчить приобретение навыка восстановления ритма. Такая методическая помощь может быть реализована, исходя из корреляции между ритмом высказывания и паузами. Степень корреляции определяется следующими соотношениями: длительность краткой паузы эквивалентна длительности одного цикла; пауза между фразами приравнивается к двум циклам; абзацы маркируются паузой в три цикла [2; 14].

В заключение отметим, что, исходя из обобщений изложенных в настоящей статье наблюдений, разрабатываются упражнения, которые предусматривают формирование операций ритмического оформления не только фразы, но и устного текста.

Овладение текстообразующими средствами ритмики должно способствовать повышению коммуникативности речи студентов.

Список литературы: 1. Антипова Е. Я., Каневская С. Л., Пигулевская Г. А. Пособие по английской интонации (на англ. языке).— М.: Просвещение, 1974.— 230 с. 2. Ахманова О. С., Минаева Л. Очерк английской фонетики (на англ. языке).— М.: Изд-во Моск. ун-та 1973.— 136 с. 3. Бондаренко Л. П. К вопросу о хезитационном членении речи.— Вестн. Ленингр. ун-та, 1976, вып. 20, с. 133—140. 4. Волик А. И. Интонационная организация логико-коммуникативного аспекта повествования-сообщения в спонтанной английской диалогической речи.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Киев, 1970.— 31 с. 5. Гайсина Р. М. Средства речевого контакта

в современном русском языке. : Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Саратов, 1967.— 21 с. 6. Давыдов М. В. Пособие по интонации английского языка.— М. : Высш. школа, 1975.— 103 с. 7. Дворжецкая М. П. К проблеме лингвистической эффективности речевого текста (на материале английской сказки).— В кн. : Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. Киев : Вища школа, 1978.— с. 201—205. 8. Дешериева Ю. Ю. Проблемы интерференции и языкового дефицита : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.— 5 с. 9. Дубовский Ю. А. Анализ интонации устного текста и его составляющих.— Минск : Высшая школа, 1978.— 136 с. 10. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия.— Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.— 168 с. 11. Ляховицкий М. В. Общие основы использования звукозаписи при обучении иностранным языкам в языковом вузе. : Автореф. дис. ... д-ра пед. наук.— М., 1970.— 36 с. 12. Почепцов Г. Г. Дискурсивный и композитный уровни лингвистического анализа текста.— В кн. : Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. Киев. : Вища школа, 1978.— с. 6—17. 13. Стабурова Л. Г., Дианова Б. А., Жолниренко Т. С. и др. Упражнения для работы в лингафонной лаборатории : Пособие для студентов / На англ. яз.— М. : Просвещение, 1977.— 214 с. 14. Mortimer C. Stress time : rhythm in conversation. Cambridge : Univ. Press, 1976.— 32 p.

Поступила в редколлегию 20.09.80.

Н. В. ТУЧИНА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫМ ДИАЛОГОМ В УЧЕБНЫХ УСЛОВИЯХ

Одной из главных предпосылок успешного обучения устной речи является организация эффективного воздействия на процесс рече-производства обучаемых со стороны преподавателя или обучающих устройств. В настоящей статье мы рассмотрим, от каких лингвистических, психологических и методических факторов зависит выбор способов и средств управления иноязычным диалогом. В первую группу таких факторов мы выделяем психолингвистические особенности диалогической речи.

Принципиальная возможность организации управления возникает благодаря реактивному характеру диалогической речи, наличию стимулирования извне у значительной части реплик естественных диалогов. Применение в учебных условиях стимулирующих ситуаций, конструктивных реплик-стимулов происходит в соответствии с психологической природой диалогического общения и способствует формированию запланированного речевого намерения у обучаемых в результате внутреннего осознания предложенных внешних стимулов.

Не менее важной для организации управления оказывается присутствующая диалогической речи ситуативность, т. е. связь отдельных видов диалогических единств с определенными типами ситуаций общения. Это позволяет преподавателю моделировать подобные ситуации для употребления обучаемых тренируемых видов диалогических единств.

Одним из необходимых условий эффективного управления является предварительное планирование, прогнозирование наиболее

вероятных в данной ситуации и речевом контексте высказываний обучаемых. Процесс прогнозирования облегчается контекстуальной взаимообусловленностью реплик диалога, относительной повторяемостью ответных структур. Создается возможность стимулировать в учебных диалогах употребление реплик определенной структуры с вероятностью, близкой к единице.

Двунаправленный характер коммуникации в естественном диалоге приводит к употреблению в репликах повторов, переспросов, заполнителей молчания и других средств управления своими речевыми действиями и действиями партнера по беседе. В учебных условиях становится возможным использовать элементы подсказки для направления мыслей обучаемых, активно применять в стимулирующих репликах указанные средства управления.

Данные внешней обратной связи в ходе диалогического общения могут поступать к собеседникам по слуховому и зрительному каналам, поскольку реакция партнера выражается как языковыми, так и экстралингвистическими средствами. Это дает достаточное основание для широкого применения в учебных диалогах различных видов звуковых и наглядных подсказок и ключей.

Таким образом, целый ряд характеристик диалогической речи предоставляет благоприятные возможности для организации управления диалогом.

Затрудняется процесс управления в связи с ограниченностью времени на предварительное обдумывание реплик, со спонтанным характером устного общения. В учебных диалогах становится необходимым преодолеть эту трудность с помощью ситуаций, которые вызывали бы четкое коммуникативное намерение и обеспечивали относительно быструю речевую реакцию обучаемых. Стимулирующие и инструктивные реплики при этом формулируются так, чтобы они могли быть соотнесены с предлагаемой ситуацией однозначно и достаточно ясно.

Выбор средств и способов управления находится в непосредственной зависимости и от этапа речепроизводства, на котором осуществляется воздействие со стороны преподавателя. Факторы, связанные с психолингвистической природой порождения высказываний в диалоге, выделены во вторую группу в нашей классификации.

Трудности в организации управления вызваны тем, что ряд этапов речепроизводства скрыт от внешнего наблюдения и недоступен для непосредственного воздействия. Фактически для коррекции со стороны преподавателя доступен лишь последний этап — внешняя звуковая реализация внутриречевой программы.

Организация управления диалогом затрудняется также наличием в процессе речепроизводства большого числа эвристических операций. В отличие от автоматизируемых, эвристические операции практически не прогнозируемы и возможности их программирования сомнительны. Поэтому построить достаточно строгий алгоритм речевого действия в диалоге не представляется возможным.

Но это не означает, по нашему мнению, что отсутствуют предпосылки для опосредованного регулирования диалогов обучаемых.

Теория речевой деятельности дает нам представление о том, какой вид приобретает речевое действие на каждом этапе его порождения, под влиянием каких внешних факторов это происходит и какие элементы в звуковой речи этим, в свою очередь, предопределяются [4]. Изменения во внешнеречевых элементах, вызванные воздействием на обучаемого во время программирования им своего высказывания, свидетельствуют об изменениях в деятельности соответствующих глубинных механизмов, хотя сами эти механизмы недоступны для непосредственного наблюдения. Зная, от каких факторов зависит деятельность тех или иных механизмов речеобразования на каждом из этапов порождения, мы можем моделировать и варьировать данные факторы в различных ситуативных диалогах-упражнениях и тем самым вызывать нужные изменения во внешнеречевой стороне высказываний обучаемых. В зависимости от этапа речеобразования возможно, на наш взгляд, использовать следующие способы регулирования речевого действия.

На этапе формирования замысла можно воздействовать на механизм мотивации, приводить его в состояние готовности путем постановки проблемных заданий, предъявления ситуаций, которые соответствуют индивидуально-возрастным особенностям обучаемых, вызывают интерес и потребность в говорении [3, с. 110].

Варьируя в ситуации описание обстановки и участников разговора, предлагая обучаемым видоизмененные задания к одной и той же ситуации, преподаватель может вызывать различные коммуникативные намерения и, следовательно, разные по содержанию высказывания.

На этапе семантического развертывания замысла воздействие на выбор стиля, конкретных словосочетаний, эмоциональных оценок и т. д. может быть оказано путем включения в ситуацию (вербально или наглядно) указания на взаимоотношения и положение собеседников, их эмоциональное состояние в момент беседы. Предлагая обучаемым роли различных собеседников в однотипных ситуациях, преподаватель добивается изменений в стиле и эмоциональной окраске высказываний.

Ситуация, тема, взаимоотношения собеседников и наличие или отсутствие у них общих знаний по предмету разговора оказывает влияние на степень имплицитности высказываний в диалоге. Варьируя указанные факторы при составлении ситуативного диалога-упражнения, возможно вызывать реплики обучаемых с более или менее развернутым выражением синтаксических связей.

Одним из средств управления на этапах внутреннего программирования и семантического развертывания служат наглядные и вербальные подсказки. Последние, как мы считаем, следует предъявлять только на изучаемом языке. Подсказки на родном языке ведут к усилению межъязыковой интерференции при пере-

ходе от единиц внутреннего кода (субъективных смыслов) к семантическим единицам (свернутым формам слов) иностранного языка. Помогая до некоторой степени строить содержательную программу, подобные подсказки одновременно затрудняют ее иноязычное развертывание. Первоначально актуализируется слово родного языка, а затем подыскивается его иноязычный эквивалент, т. е. психологическая структура речевого действия приближается скорее к переводу, чем к говорению на иностранном языке. Поэтому подсказки на родном языке являются, на наш взгляд, малоэффективными.

Вербальные и наглядные подсказки могут употребляться и для регулирования процесса грамматического структурирования высказывания. Воздействие на выбор той или иной грамматической структуры оказывают также ситуация и речевой контекст предыдущих реплик.

На последнем этапе речепроизводства управление звуковой реализацией высказывания осуществляется путем использования различных видов ключей для контроля и коррекции [2].

К следующей группе факторов, влияющих на организацию управления иноязычным диалогом в учебных условиях, мы относим степень владения языком, умение выбирать адекватные языковые средства для решения той или иной коммуникативной задачи.

Результаты психолингвистических исследований доказывают, что говорящий на родном языке не программирует содержание каждого предложения, входящего в состав высказывания [4]. Если общение происходит на недостаточно изученном иностранном языке, объем составляемой содержательной программы меньше, программируются и отдельные предложения [3]. Объем программы зависит и от социально-речевого опыта говорящего. Одно и то же по содержанию высказывание может программироваться заново одним человеком, но быть привычным для другого говорящего, у которого производство отдельных предложений, входящих в данное высказывание, будет происходить на уровне навыка [1].

Из данного теоретического положения вытекают важные методические выводы. Во время начального периода обучения преподаватель задает «большую» программу (содержание беседы в целом) и «малую» программу (по отдельным высказываниям и репликам). Первая задается путем предъявления соответствующей ситуации, формулирования целей и задач обучаемого в данном диалоге, указания на ожидаемый результат и т. д., а вторая — с помощью контекста инструктивных и стимулирующих реплик, упомянутых выше подсказок и других средств управления. Постепенно обучаемый переходит к самостоятельному построению «малых» программ, а содержание всего диалога регулируется ситуацией и инструкцией. Необходимый речевой опыт накапливается в процессе работы над диалогами в типичных ситуациях устного общения.

Значительное влияние на организацию управления диалогом оказывает такой фактор, как степень сложности вербально-логиче-

ских операций в производстве отдельных реплик. При порождении языковых клише, элементарных предложений практически отсутствует этап грамматического структурирования. От замысла говорящий переходит к моторно-артикуляционному программированию и внешней реализации. При этом он осуществляет операции отбора и воспроизведения готовых языковых форм. Производство элементарных предложений идет, таким образом, на уровне навыка, который можно формировать на базе прямых ассоциативных связей, с помощью многократного восприятия и репродуцирования образцов в типичных речевых ситуациях.

Обучение производству развернутых высказываний не может ограничиваться уровнем воспроизведения, а должно способствовать активизации всего комплекса психофизиологических механизмов, которые обеспечивают процесс диалогического общения. Особую важность приобретает регулирование действия данных механизмов, организация управления указанными выше способами.

Управление иноязычным диалогом зависит также от уровня информированности обучаемых по предмету беседы. Предъявление малознакомой темы затрудняет ориентировку в предмете сообщения и, следовательно, протекание речевой деятельности обучаемых, вызывает «сбой мысли», нарушение связности, самокоррекции и т. д. [5]. С другой стороны, повторение собеседниками одной и той же информации, в которой не содержится новых для партнера сообщений, делает нецелесообразным ведение диалога и придает ему заведомо искусственный характер.

Наиболее приемлемыми в учебных условиях являются, на наш взгляд, диалоги, направленные на обмен информацией между собеседниками с различным уровнем осведомленности или на совместное решение некоторой проблемы. Собеседники при этом должны быть заинтересованы в получении сведений, стремиться дополнять друг друга, проверять адекватность понимания сообщенной информации и т. д. Личностная значимость предмета беседы и решаемой проблемы способствует возникновению такой заинтересованности. Диалоги подобного рода предоставляют меньше возможностей для отвлечения и частой смены темы беседы [6] и позволяют лучше организовать управление.

Функции и способы управления изменяются в зависимости от периода обучения и типа упражнения. В тренировочных упражнениях управление наиболее жесткое. Задаются извне и содержательная и формальная программы, а внешняя реализация высказывания контролируется непосредственно преподавателем или с помощью звуковых (в лабораторных условиях) и печатных ключей (например, при работе в парах). В тренировочно-речевых упражнениях переходного типа имеет место регулирование семантического содержательного и грамматического структурирования заданной содержательной программы. В этих упражнениях элементы управления призваны облегчать обучаемым мыслительную работу по правильному грамматико-семантическому оформлению своих вы-

сказываний. На уровне внешезвуковой реализации допускается вариантность по форме, если она не приводит к изменениям в содержании. И, наконец, в управляемых речевых упражнениях основную регулирующую функцию выполняет механизм самоконтроля, подкрепляемый ответными и стимулирующими репликами собеседника. Инструкция и предъявленная ситуация ограничивают область поиска содержательных программ, приводя в действие механизм мотивации и вызывая у обучаемого определенное коммуникативное намерение.

Таким образом, мы выяснили, что выбор способов управления диалогом зависит от психолингвистических особенностей диалогической речи и этапа речепроизводства, от степени владения языком и социально-речевого опыта обучаемых, от типа упражнений и от периода обучения. Дальнейшие практические исследования позволят определить сравнительную эффективность предлагаемых способов управления.

Список литературы: 1. *Бабенко А. П., Рогова Г. В.* Психологические основы обучения устной иноязычной речи.— *Вопр. методики обучения иностр. языкам* : Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1968, № 281, с. 3—8. 2. *Бычкова Н. И.* Лабораторные задания для обучения устной речи на начальном этапе в языковом вузе : Автореф. дис. ... канд. пед. наук.— Киев, 1972.— 24 с. 3. *Зимняя И. А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке.— М. : Просвещение, 1978.— 159 с. 4. *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания.— М. : Наука, 1969.— 307 с. 5. *Шатилов С. Ф., Шевляков В. Н.* Некоторые особенности порождения связного сообщения в экстремальных условиях.— В кн. : *Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации*. М., 1975, ч. 1, с. 97—98. 6. *Яноушек Я.* Социально-психологические проблемы диалога в процессе сотрудничества между людьми.— В кн. : *Психолингвистика за рубежом*. М., Наука, 1972, с. 88—101.

Поступила в редколлегия 14.10.80.

Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ГИПОТЕЗЫ В МЕТОДИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Построение гипотетической модели объекта исследования — один из важнейших этапов научного познания. Как правило, она имеет математическую форму. Однако зачастую этот процесс в методических исследованиях затруднителен, так как нелегко найти единицы измерений многих понятий, которыми оперирует методика. Такое положение отрицательно воздействует на качество исследований, потому что гипотеза оказывается слишком общей, расплывчатой, допускающей отклонения в широких пределах и поэтому почти всегда подтверждается.

Например, при изучении соотношения типов учебной информации (УИ) нами была выдвинута следующая гипотеза. Значимость (т. е. целесообразность использования) типов УИ в последовательности образец — модель — алгоритм возрастает слева направо по

мере усиления интерференции. Необходимость применения полного объема УИ (образец, модель, алгоритм) будет максимальной при максимальной интерференции, а способность речевого образца самостоятельно обеспечить адекватную ориентировку будет самой высокой при минимальной интерференции. При ослаблении интерференции отдельные типы УИ могут оказаться избыточными, причем избыточность будет проявляться по линии алгоритм — модель, так как именно в этом направлении происходит свертывание эксплицитности*.

Несмотря на многословность, данная гипотеза остается достаточно расплывчатой. Единственное, что здесь утверждается доста-

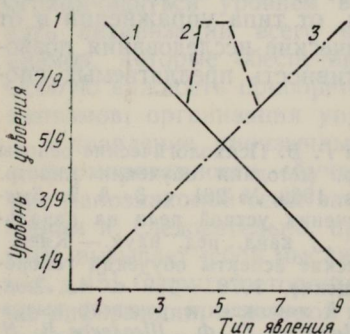

Рис. 1. Гипотетическая модель значимости типов УИ: 1 — речевой образец; 2 — модель; 3 — алгоритм

точно четко, это то, что объем УИ зависит от интерференции. Для научных же исследований важно не столько установить факт зависимости, сколько ее характер. С целью объективизации гипотезы мы предприняли попытку построить гипотетическую модель поведения каждого типа УИ в условиях различной интерференции. Для этого прежде всего необходимо было измерить грамматические явления в каких-то единицах трудности, источником которой, как известно, является интерференция, прежде всего межъязыковая.

На основе ряда работ [2—4,6] мы построили методическую типологию грамматических явлений с точки зрения межъязыковой интерференции (таблица). С известной степенью допущения можно предположить, что приращение трудности при переходе от одного типа грамматических явлений к последующему всегда одинакова, т. е., например тип 5 в пять раз сложнее для усвоения, чем тип 1. Исходя из этого, можно построить гипотетическую модель для каждого типа УИ. Если значимость типов УИ возрастает по мере усиления интерференции в последовательности образец — модель — алгоритм, то отсюда:

1. Эффективность речевого образца (РО) обратно пропорциональна силе интерференции (см. рис. 1), что может быть выражено формулой $\epsilon_{po} = 1 - (n - 1) / 9$ (1), где ϵ — эффективность, n — тип грамматического явления. Например, нам нужно ввести грамматическое явление типа 5. По формуле (1) определяем, что, применяя образец в качестве единственного типа УИ, можно добиться

* Речевой образец имплицитно содержит как модель, так и алгоритм. Модель эксплицитно показывает структуру грамматического явления и имплицитно содержит алгоритм. Алгоритм эксплицитно представляет порядок выполнения грамматического действия.

уровня усвоения $\varepsilon_{po}^5 = 1 - (5 - 1) / 9 = 0,56$. Если эта формула верна, то применения образца в данном случае недостаточно, так как нижний предел удовлетворительного уровня усвоения составляет 0,7 [1].

2. Так как алгоритм является последним звеном в цепи образцов — модель — алгоритм, а, согласно, нашей гипотезе, значимость типов УИ возрастает слева направо по мере усиления интерференции, то естественно предположить, что эффективность алгоритма максимальна при максимальной интерференции (см. рис. 1), что может быть выражено формулой $\varepsilon_a = n / 9$ (2).

3. Нижний рубеж эффективности (0,7), выражающий отношение выполненных задач к предъявленным можно считать безусловной границей значимости любого типа УИ. Если кривая эффективности опускается ниже этого уровня, такой тип УИ перестает быть значимым, а тип грамматического явления, при работе с которым это происходит, является границей значимости данного типа УИ. Возможны, конечно, и случаи, когда кривые эффективности нескольких типов УИ будут одновременно находиться выше уровня 0,7. Тогда значимость определяют исходя из существенности отличия между уровнями

этих кривых. Рис. 1 позволяет предположить, что образец будет значим для явлений типов 1—3, а значимость алгоритма начинается с явлений типа 6. Соответственно модель значима в интервале, в котором значимость речевого образца падает ниже 0,7, а значимость алгоритма еще не достигла 0,7, т. е. для явлений типов 4—5, что может быть выражено формулой $\varepsilon_m = \max$ при ε_{po} , $\varepsilon_a < 0,7$ (3).

Представляет несомненный интерес сравнение гипотетических моделей с реальными результатами (рис. 2). Условия и методы проведения экспериментального исследования описаны в других наших публикациях [5]. Рис. 2 трудно сравнить с рис. 1, так как кривые, представленные на рис. 2, являются, за исключением варианта 1, результатом воздействия сочетания нескольких типов УИ. Естественно, что абсолютное значение уровня усвоения в варианте 3, например, не может быть намного выше, чем в варианте 2, так как вариант 3 включает в себя, кроме алгоритма, и все элементы варианта 2. Значимость же каждого типа УИ в отдельности

Тип	Функция	Форма
1	Переносится	Переносится
2	То же	Корректируется
3	»	Формируется заново
4	Корректируется	Переносится
5	То же	Корректируется
6	»	Формируется заново
7	Формируется заново	Переносится
8	То же	Корректируется
9	»	Формируется заново

определялась с помощью коэффициента Стьюдента путем вычисления достоверности отличия результатов в разных вариантах обучения. Так, разница между вариантами 1 и 2 свидетельствует о значимости модели, так как вариант 2 отличается от варианта 1 только наличием модели. Значимость алгоритма определялась на основе сравнения результатов вариантов 2 и 3. Если после вычислений разница между двумя вариантами признавалась достоверной, то для данного типа грамматических явлений соответствующий тип УИ считался значимым.

В результате таких вычислений была определена значимость всех типов УИ (рис. 3). Проанализировав рис. 3, и сравнив его

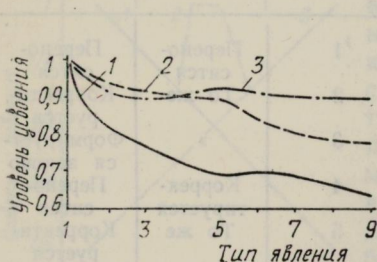

Рис. 2. Результаты экспериментального исследования соотношения типов УИ: 1 — вариант 1 (речевого образец); 2 — вариант 2 (речевого образец, модель); 3 — вариант 3 (речевого образец, модель, алгоритм)

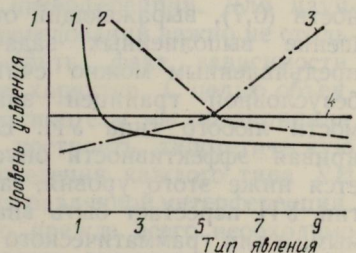

Рис. 3. Реальная модель значимости типов УИ: 1 — речевого образец; 2 — модель; 3 — алгоритм; 4 — граница значимости

с рис. 1, можно сделать вывод, что гипотеза полностью подтвердилась для алгоритма, значимость которого, как и предполагалось, начинается с явлений типа 6. По сравнению с гипотезой граница значимости модели сместилась влево, практически лишив значимости речевого образец. Это вызвано тем, что, как и предполагалось, могут быть случаи, когда кривые эффективности нескольких типов УИ могут находиться выше отметки 0,7, что и отмечено для вариантов 1 и 2. Однако, несмотря на относительно высокие показатели варианта 1, дополнительное использование модели существенно повысило уровень усвоения в варианте 2. Еще одним отличием реальных результатов от гипотетических предположений является поведение кривой эффективности речевого образца. Вместо того, чтобы, как предполагалось, постепенно снижаться от типа 1 к типу 9, эта кривая резко падает в начальной фазе, а затем переходит почти в горизонтальную прямую. На наш взгляд, это может объясняться следующим. В условиях сгращенной интерференции возможность опоры на родной язык еще достаточно велика. Однако такая возможность уменьшается по мере продвижения в типологии грамматических явлений от типа 1 к типу 9, причем особенно резко это происходит в начальной фазе. При дальнейшем усилении интер-

ференции возможность опоры на родной язык становится относительно небольшой и мало колеблется от одного типа грамматических явлений к другому. Столь же незначительными могут быть и отклонения в уровне усвоения. Поэтому эффективность речевого образца в условиях значительной интерференции остается практически неизменной (хотя и на относительно низком уровне) для разных типов грамматических явлений.

Формула (1) верна для явлений типов 1—4, а для остальных типов грамматических явлений эффективность речевого образца находится приблизительно в пределах 0,7. Формулы определения эффективности модели и алгоритма (2), (3) теряют смысл в связи с потерей значимости речевым образцом. Поэтому значимость модели и алгоритма приобретает вид $E_m = \max$ при $n \leq 5$ (4); $E_a = \max$ при $n \geq 6$ (5).

Таким образом, построение модели объекта исследования на этапе выдвижения гипотезы, безусловно, способствовало повышению качества исследования. Наличие такой модели и сравнение ее с реальными результатами позволило получить более полное представление о соотношении типов УИ, характер которого, как оказалось, гораздо сложнее, чем можно было ожидать, исходя из теоретических предпосылок.

Список литературы: 1. Беспалько В. П. Опыт разработки и использования критериев качества усвоения знаний.— Сов. педагогика, 1968, № 4, с. 52—69. 2. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания.— М.: Наука, 1969.— 307 с. 3. Малишевская Л. П. Управление процессом формирования речевых грамматических навыков: Автореф. дис. ... канд. пед. наук.— Воронеж, 1975.— 22 с. 4. Разумеева Н. А. К вопросу о типологии языкового материала.— Учен. записки МГПИИЯ им. М. Тореза, 1970, т. 53, с. 268—282. 5. Черноватый Л. Н. Соотношение типов учебной информации в процессе формирования иноязычных грамматических навыков: Автореф. дис. ... канд. пед. наук.— М., 1980.— 17 с. 6. Шубин Э. П. Позитивные и негативные аспекты влияния первого языка на овладение вторым на разных уровнях языковой системы.— Иностр. языки в школе, 1971, № 5, с. 27—32.

Поступила в редколлегию 10.10.80.

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы романо-германской филологии

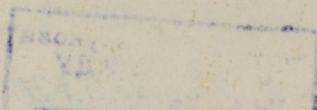
Акуленко Л. Г. Выражение неопределенно большого и малого количества в немецком языке и тексте	3
Дородных А. И. О некоторых проблемах, связанных с формами времени и наклонения в английском языке	8
Каравашкин В. И. К вопросу о композитной системе	13
Куровская Е. И. Семантическое варьирование номинальной модели $V_{\text{have}} N_{\text{abs}}$	19
Липко И. П., Липко З. Н. Динамика структуры вопросительных и отрицательных предложений с have в Present и Past Indefinite (на материале британского варианта английского языка)	23
Мартынюк А. П. Компонентный анализ как методика изучения функционально-семантических категорий времени и вида	28
Маслова Н. И. Функционально-позиционная характеристика русских деепричастий и их перевод на английский язык	32
Нестеренко Е. И. Нейтральное указательное местоимение ça (cela) в функции субститута одушевленных существительных	39
Нестеренко Е. И. О функционировании местоимения ça в безличных конструкциях	44
✓ Николаева В. М. О некоторых разновидностях трехчленных диалогических единств в английском языке (развертывание исходного высказывания за счет атрибутивных элементов)	50
Паповянец Э. Г. Синонимия предложений качественной характеристики	53
Полова Т. Г. Особенности выражения психических состояний в контакте сказуемого с эмоционально-оценочным предикативом	57
Потапова Ж. Е. Стилистические функции многофокусной повторной номинации в конструкции обособленного приложения (на материале современной немецкой художественной прозы для детей и юношества)	66
Прокочук А. А., Гусева П. Т. Предложения с межсобытийными причинно-следственными предикатами	71
Рассказова О. А. Лексические средства выражения каузативного значения в современном французском языке	76
Тарасова Е. В. Некоторые итоги сравнительно-типологического анализа грамматико-лексического микрополя будущего в английском и русском языках	79

Тимошенкова Т. М. Номинальные структурные модели $N_1-V_{\text{cop}}-N_v$ с модифицированным именным компонентом	86
Ткаченко Р. Г. О некоторых периферийных явлениях синтаксической конструкции прямой речи	89
Хименко В. В. Некоторые данные структурно-вероятностного анализа индуктивных немодальных глаголов в современном английском языке (на материале трех подъязыков)	93
Яцевич Ж. Ф. Структурно-вероятностная характеристика системы словообразовательных формантов в современном английском языке	97

Методика преподавания иностранных языков

Гуль Н. Н. Дискурсивные тексты как речевой материал для обучения ритмическим особенностям английской неподготовленной монологической речи	103
Тучина И. В. Некоторые вопросы организации управления иноязычным диалогом в учебных условиях	108
Черноватый Л. Н. Объективизация гипотезы в методическом исследовании	113

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 231

Системы романских и германских
языков и обучение речи

Редактор В. Н. Забелин
Художественный редактор В. Е. Петренко
Технический редактор Л. Т. Момот
Корректор Л. А. Ковтун

Информ. бланк № 7036.

Сдано в набор 30.07.81. Подп. в печать 08.06.82. БЦ 09292. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 1. Лит. гарн. Вмс. печать. 7,5 усл. печ. л. 7,75 усл. кр.-отт. 9,2 уч-изд. л. Тираж 1000 экз. Изд. № 958. Зак. 1-314. Цена 1 р. 30 к.

Издательство при Харьковском государственном университете
издательского объединения «Вища школа» 310003, Харьков-3,
ул. Университетская, 16

Отпечатано с матриц кн. ф-ки им. Фрунзе в Харьковской городской типографии № 16, 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16. Зак. 921.

